

Коллектив авторов

**Регионы в современном
мире: глобализация и Азия.
Зарубежное регионоведение**

«Алетейя»

2020

УДК 339.9(5)

ББК 65.5(5)

Коллектив авторов

Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / Коллектив авторов — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-178-9

В монографии проводится комплексный и нюансированный анализ характера, темпов и проявлений глобализации в Азии и ее регионах сквозь призму политической, экономической, информационно-цифровой и социокультурной динамики. Дается оценка проявлений глобализации в странах Ближнего Востока, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Уточняется влияние китайской мега-стратегии «Пояс и путь» на внутрирегиональное и межрегиональное сотрудничество на азиатском и евразийском пространствах. Определены особенности информационно-коммуникативных процессов современной Азии в их увязке с политико-экономическими трансформациями азиатских обществ. Проведено исследование актуальных вопросов развития искусства и литературы государств Азии. Раскрыты механизмы инновационных подходов к преподаванию восточных языков в их увязке с методологическими задачами современного востоковедения. Монография подготовлена на основе докладов, представленных участниками I международной конференции «Процессы глобализации в современной Азии», прошедшей в НИУ ВШЭ 20–21 ноября 2019 года.

УДК 339.9(5)

ББК 65.5(5)

ISBN 978-5-00165-178-9

© Коллектив авторов, 2020

© Алтейя, 2020

Содержание

Предисловие	7
1. Китайский проект глобализации	15
Растущее влияние Китая на Балканах: вызовы и перспективы	15
Introduction	16
1. Western Powers vs Chinfluence	20
2. Conclusion: Perspectives and Challenges	21
References	22
Китайско-германские отношения в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	23
Список литературы	28
References	28
Китайская инициатива «Один пояс, один путь» и ее влияние на Ближний Восток	30
Introduction	31
Research methodology	32
China's Obor Initiative	32
Main Results	32
What do countries get in return?	33
Conclusion	35
References	35
Значение Китайского проекта «Один пояс – один путь» для российской экономики	36
Introduction	37
Methodology	37
Main results	38
The resume	40
References	41
2. Юго-Восточная и Южная Азия: в поисках ответов на глобальные вызовы	42
Асеан в «смелом цифровом мире»	42
Introduction	44
Asean in the Pre-Digital Era: What Was and Was Not Achieved	44
Asean and the Digital Winds of Change	45
Asean's Pains and Remedies	47
Conclusion	48
Асеан в политике Вьетнама: между двумя председательствами	49
Introduction	51
A Decade of Changes	51
The Vietnam Perspective	53
Assessing Srв's 2020 Priorities	54
Conclusion	56
Вьетнам между США и Китаем	58
Введение	58
Методология	58
Основные результаты	59

Основные результаты исследования	63
Список литературы	63
References	64
Contemporary Sino-Myanmar Relations: Dilemma of Letpadaung Taung Copper Mine Project	65
Introduction	66
Methodology	67
Main results	67
Growth of Anti-Protests on Letpadaung Project and investigation Commission Protests before the Commission	68
Letpaduang investigation Commission	68
Protests after the Commission	69
Effects in Sino-Myanmar Relations	70
Conclusion	70
References	71
Арктическая политика республики Индия	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение

Предисловие

В этой книге представлены избранные материалы международной конференции о глобализационных процессах в Азии, организованной Департаментом зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ в конце ноября 2019 г. Сегодня едва ли можно найти более острую и актуальную проблему мирового развития. Но сначала уместно напомнить, что глобализация в Азии имеет свою, и по-своему драматичную, историю. Долгое время на страны азиатского континента смотрели как на пассивные объекты глобализации, исходившей от Запада и осуществляемой им. Жителям Азии оставляли право только перенимать научно-технические достижения западной цивилизации, а вместе с ними политические институты, идеологические системы, культурные ценности и все мировоззрение Запада. Наиболее успешно развивавшиеся страны Азии, такие как Япония, Южная Корея, Сингапур, имели в западной литературе сомнительную репутацию «передатчиков», трансляторов идеалов и принципов западного мира или, точнее сказать, современного западного капитализма. Ожидалось, что остальная Азия с энтузиазмом пойдет за ними.

Жизнь внесла серьезные коррективы в эти планы. Заимствование передовых технологий (которые сами по себе, конечно, не имеют национальной принадлежности) и приток иностранных инвестиций сделали Азию, особенно Восточную и Южную, мировым промышленным центром, ведущим производителем широкого спектра товаров для всего мира. Более того, во многих областях инновационных технологий азиатские страны заняли ведущие позиции в мире. Одновременно там сложились мощные финансовые структуры мирового масштаба и влияния. Так Азия стала подлинным локомотивом мирового экономического развития и важным, во многих отношениях даже главным, игроком глобального рынка.

Очень скоро выяснилось, что крупнейшие державы Азии не собираются, да в силу объективных причин и не могут довольствоваться ролью скромных подражателей Запада или поставщиков сырья для него и что Азия имеет и ресурсы, и культурный потенциал для строительства глобального мира на собственных началах. Это нельзя назвать неожиданным новшеством. Достаточно вспомнить о Великом шелковом пути, который был, в сущности, первым в мировой истории глобальным проектом, создавшим уже в начале эпохи Средневековья, в «темные века» европейской истории, пространство свободного взаимодействия народов, языков, культур и религий в ареале Большой Евразии. Несмотря на все конфликты, раздиравшие Азию на протяжении столетий, в ней не умирала идея глубинной общности азиатского мира. С началом экономического подъема Азии это смутное чувство выразилось в новых формах и качествах. В наши дни в отдельных регионах Азии уже существуют наднациональные пространства культурного общения, сложившиеся по законам массовой культуры современного капитализма. К примеру, японские бренды одежды и косметики, корейские мыльные оперы, гонконгские и тайваньские звезды поп-музыки диктуют моду на всем пространстве Восточной Азии. Такие же региональные системы моды, во многом подражающие западным образцам, но в то же время обладающие культурной самобытностью и как раз поэтому ориентированные на глобальный рынок, сложились в ареалах индийской и арабской цивилизации. Это сочетание

национально-самобытного и глобально-всеобщего, заново перекартаивающее культурную карту Азии, заслуживает самого пристального изучения. В нем угадывается будущее Азии и всего мира.

Последние десятилетия вызвали к жизни и более радикальные проекты глобализации Азии, бросающие вызов западной концепции глобализации как, условно говоря, американизации уже на уровне идеологии. Наиболее известны выдвинутые руководством Китая проект «один пояс, один путь» и идея «общей судьбы человечества». Современные китайские идеологи заявляют, что предыдущие формы глобализации оказались несостоятельными и современный мир нуждается в глобализации нового типа. Острие своей критики они направляют на глобализационные процессы, связанные с гегемонией США. Глобализация, порожденная Америкой, объявляется ими ущербной и несправедливой, углубляющей неравенство, дискриминацию, социальный и политический хаос и, как следствие, питающей военные конфликты и терроризм. Для них главный порок американской модели глобализации под флагом либеральной демократии состоит в том, что лежащий в ее основании принцип индивидуальной идентичности неотвратимо ведет к разделению между подобными себе и «прочими», по существу враждебными, элементами, что заставляет Запад создавать блоки и в конечном счете утверждает раскол между Pax Americana и остальным миром. Китайский ученый Чжао Тинъян прямо называет глобализм американского типа антитезой реального мира, «не-миром».

Западному «не-миру», или самоограничивающемуся миру, глашатаи китайской глобальности противопоставляют китайское понятие *тянься*, или «Поднебесного мира». Последний трактуется как реальность одновременно природная и социокультурная, означающая и географический мир, и духовное единство человечества, и определенный политический строй. Главным условием глобального единства человечества объявляется гармония (*хэ*), что предъявляет широкий спектр требований к личности и ее поведению: преодоление эгоизма, смирение, душевная чуткость, любезность, приверженность нравственному совершенствованию и т. п. Акцент на гармонических отношениях исключает резкие и тем более насильственные перемены в сложившемся мировом укладе. Апологеты глобализации по-китайски заверяют, что Китай будет мягко входить в сложившийся мировой порядок, опираясь на общемировой консенсус и используя существующие институты для достижения согласия в мире.

Китайскому идеалу единства Поднебесного мира нельзя отказать в большом историческом потенциале, поскольку в нем отношения между государствами, цивилизациями и народами возводятся к фундаментальным познавательным посылкам человеческого сознания. Если западная концепция глобализма (по крайней мере, в ее классической версии) исходит из традиционных для европейской мысли идей самотождественных сущностей, параллелизма мышления и материи, логоса и бытия, то в основе китайского миропонимания лежит понятие превращения, которое никогда не равно себе, присутствует в собственной инаковости, в своей сокровенности. В таком случае единство человечества и глобального мира воплощается не в статичной данности, объективной или интеллектуальной, а в усилии нравственного совершенствования, самой устремленности к единству, открывающей простор для человеческого творчества.

Западные критики китайской концепции глобализации ожидаемо объявили ее частью китайской пропаганды, ширмой для китайской экспансии, но не смогли предъявить сколь-нибудь серьезных доказательств ее теоретической несостоятельности. В то же время и на Западе усиливается критика теоретических оснований идеи американоцентричной глобализации, которая привела к углублению раскола между Западом и «остальным миром», политической и экономической дестабилизации на мировой арене. Показательна позиция известного французского философа Ж.-Л. Нанси, который, подобно Чжао Тинъяну, называет глобализацию западного типа превращением мира в «не-мир» (*immonde*) и противопоставляет ей глоба-

лизацию подлинную, которую он называет французским термином «мондиализация». В русском языке этому понятию могло бы соответствовать слово «всемирность».

Можно с уверенностью утверждать, что глобализация не равнозначна приведению мира и жизненного уклада человечества к единому образцу. На наших глазах формируются две глобальные миросистемы, основанные на разных и притом неустрашимых и несводимых друг к другу мировоззренческих принципах, упомянутых выше. Их можно условно назвать евроамериканской и евразийской. Отношения между ними составят, надо думать, действительный сюжет глобализации в ближайшие десятилетия.

Итак, будет большой ошибкой думать, что глобализация ведет человечество к некоему единообразию. Напротив, глобализация означает дифференциацию и усложнение жизненных укладов, раскрытие неисчерпаемого разнообразия жизни, каковая и есть ее подлинно человеческое содержание. Мы видим этот процесс на примере азиатских стран, предлагающих множество форм «альтернативной» глобализации. И притом эти страны – особенно ярким примером тут могут служить Китай и Индия – сами включают в себя очень разные в экономическом и культурном отношении регионы. Это региональное и локальное разнообразие в экономике, культуре и даже политике – тоже составная часть процесса глобализации, которая заслуживает тщательного изучения. Глобализация – это путь, если воспользоваться крылатым выражением К. Леонтьева, к «цветущей сложности» человечества, ибо такова природа самой жизни.

Материалы этого сборника отражают указанные выше проблемы политического, социального и культурного развития стран Азии в условиях кризиса традиционной модели глобализации, который ведет к появлению «альтернативных» глобальных проектов. Этот кризис побуждает искать и открывать новые перспективы человеческого будущего, которое будет единым как раз в своем разнообразии.

Публикуемые доклады в большинстве своем отражают отчасти отмеченные выше основные проблемы глобализационных процессов в Азии. Открывается сборник материалами, посвященными китайской концепции глобализации и соответствующему ей новому внешнеполитическому курсу страны. В докладе сербского исследователя *Душана Пророковича* «Растущее влияние Китая на Балканах: проблемы и перспективы» анализируется политическое и экономическое сотрудничество Китая с балканскими странами, прежде всего с Сербией. Как показывает автор, Сербия имеет особенно большое значение для китайской политики в Европе и является плацдармом для продвижения китайских интересов в Европе. Сотрудничество между Китаем и Сербией стало настолько масштабным и всесторонним, что нынешний президент Сербии А. Вучич называет отношения между двумя странами «братскими». При этом показателен сам характер помощи, которую Китай оказывает Сербии. Эта помощь направляется главным образом в строительство инфраструктуры и энергетику, что дает Китаю возможности занять стратегически важные позиции в экономике не только Сербии, но и всех Балкан.

Статья *А. К. Галимзяновой* посвящена не менее важному аспекту китайской внешней политики: эволюции китайско-германских отношений в свете китайской инициативы «один пояс, один путь». Как известно, Германия – экономический лидер Европейского союза, и ее позиция во многом определяет положение дел в мировой политике. *А. К. Галимзянова* тщательно анализирует различные факторы, влияющие на состояние германо-китайских отношений, раскрывает перспективы сотрудничества обеих стран, но отмечает и многочисленные помехи и ограничения для этого сотрудничества. Внешняя политика Китая в последние десятилетия изменялась настолько стремительно, что Германии, как и другим европейским партнерам нового китайского гиганта, требуется время для того, чтобы выработать свой ответ на «китайский вызов». Несмотря на наличие взаимного стремления к развитию экономического партнерства и дружеских отношений между Китаем и Германией, пока трудно предсказать, как будут развиваться германо-китайские связи.

В докладе *Номита Топпо* (Индия) рассматривается место Среднего Востока в китайском проекте «один пояс, один путь». Как показывает проф. Топпо, именно здесь, как полагает руководство Китая, пройдет основная трасса трансконтинентального пути из Китая в Европу. Соответственно, политика Китая в этом регионе направлена на обеспечение безопасности упомянутого транспортного коридора и построения прочных дружественных отношений с государствами этого региона.

В статье *Е. Давыденко* рассматривается значение китайского проекта «Один пояс, один путь». Автор указывает на целый ряд перспективных экономических проектов, которые могут быть реализованы в рамках китайской инициативы. Однако успешность этих проектов зависит от многих факторов, относящихся и к ситуации в России, и к состоянию российско-китайских отношений, и даже к глобальной политике. Пока ввиду обострения отношений между Китаем и Западом проект «Один пояс, один путь» временно заморожен..

Во второй, и наиболее многочисленной, группе статей рассматриваются отдельные региональные аспекты реакции азиатских стран на глобализационные процессы. Среди них читатель найдет интересные исследования о роли и значении АСЕАН в Юго-Восточной Азии и, в частности, о политике Вьетнама в этой организации. Еще одна статья посвящена политике Вьетнама в отношении США и Китая и его позиции по вопросу о территориальных спорах в районе Южно-Китайского моря. Отдельные работы касаются современного состояния китайско-бирманских отношений на примере медного рудника Летпадаун Таун, политики Индии в отношении Арктического региона и современной политической ситуации в Шри-Ланке. Все эти исследования раскрывают тесную связь внутривосточного положения в странах Азии и глобальных процессов в мировой политике.

В третьем разделе сборника собраны работы, посвященные формам проявления глобальной политики в отдельных странах Азии. В статье *М. С. Ходынской-Голенищевой* «Процессы на Ближнем Востоке и политика России» анализируется вовлеченность глобальных политических сил, и прежде всего России, в политические процессы на Ближнем Востоке. Автор показывает типичную для современности сложность политической обстановки в этом регионе, которая объясняется, помимо прочего, нежеланием и неготовностью глобальных игроков найти взаимоприемлемые способы решения политических, национальных и общественных конфликтов. К этой работе примыкает доклад *Е. С. Коренева* «Азиатский вектор системы глобального партнерства НАТО в постбиполярный период».

Две статьи посвящены роли, которую играет в глобальных процессах Япония: *И. В. Гордеевой* «Процессы глобализации в АТР и Япония» и *О. А. Добринской* «Четырехсторонний диалог по безопасности: взгляд из Токио». Как показывают эти исследования, Япония занимает особое место в региональной и мировой политике и способна сглаживать противоречия в международных отношениях. Потенциал Японии в мировой политике далеко не исчерпан.

Вторая часть сборника посвящена литературным, лингвистическим и, как сейчас говорят, лингвострановедческим аспектам процессов глобализации в Азии.

В разделе «Информационно-коммуникативное пространство и культурные коды Азии» семиотическое пространство современной Азии раскрывается как сложная структура порождения, сохранения и репрезентации доминирующих социокультурных смыслов, характеризующаяся многообразием культурных кодов. Процессы глобализации играют двойственную роль в формировании информационно-коммуникативного пространства Азии, с одной стороны создавая условия для динамичного взаимодействия и культурного трансфера, упрощения способов и форм обмена информацией, а с другой – пробуждая стремление народов, стран и регионов к сохранению уникальности культур на фоне унификации и стандартизации глобальных коммуникативных практик и превалирования западных ценностей в мировом социально-политическом и культурном дискурсе. В связи с этим изучение языков культур, культурных форм и культурных кодов Азии является актуальным сегментом гуманитарных исследований.

Литература и искусство (вербальные и визуальные языки культуры) наиболее чутко реагируют на процессы трансформации смыслов в современном мире.

Творчество персидского поэта Ферейдуна Мошири, представителя новой поэзии (*шер-е ноу*) XX в., художественный метод которого отличается бережным отношением к традициям классической литературы, является ярким примером сохранения этнического самосознания и культурной идентичности в условиях общественно-политической трансформации. *И. В. Абраменко* анализирует философско-мировоззренческие и эстетические основы формирования его стиля, позволившие поэту сохранить равновесие между традицией и современностью, наполнив новым содержанием классические формы. Ф. Мошири посредством традиционных символов и образов, через символическое означивание природы раскрывает в своих произведениях внутренний мир лирического героя, чутко откликающегося на политические и социокультурные вызовы внешнего мира, рассматривая их с позиции гуманизма и высоких нравственных ценностей.

Современное изобразительное (и визуальное) искусство Азии в поисках новых форм и способов художественного выражения претерпело существенные изменения в условиях развития глобализации. При этом, обладая устойчивыми культурными кодами и мощным потенциалом влияния оно подвержено воздействию внешних факторов.

На примере изучения современного изобразительного искусства Ирана *А. С. Шмакова* рассматривает проблему становления и развития этнокультурной и социальной идентичности в полиэтничествах. Выявляя в тематике произведений живописи признаки кризиса самосознания и смысложизненных ориентиров в творчестве художников-модернистов, автор обращает внимание на их стремление к современной интерпретации традиционных художественных форм исламской культуры с сохранением глубинных связей с культурным источником. Многоуровневая система национальной идентичности иранцев, сформированная под воздействием сочетания базовых элементов персидской культуры с зороастрийскими верованиями, шиитским исламом и современными социокультурными ценностями, находит отражение в работах современных персидских художников.

Изучению современных стилистических направлений китайской каллиграфии и эволюции этой древней традиции в настоящее время посвящено исследование *В. Г. Белозеровой*. Автор объясняет наличие широкого спектра стилевых направлений в каллиграфии особенностями межкультурного диалога Китая с глобальным миром, возможностью проявления творческой свободы авторов и конкуренцией на рынке искусства; характеризует четыре вектора развития этого вида искусства: традиционный («академическая» каллиграфия, «примитивистская» каллиграфия, «каллиграфия интеллектуалов»), вектор умеренных реформаторских направлений («модернистское», «постмодернистское», «концептуальное» направления и «средовая каллиграфия»), радикальных реформаторских направлений («авангардная», «неиероглифическая», «абстрактная» (и «постабстрактная») каллиграфия, «абстрактный экспрессионизм», «экшен каллиграфия», «каллиграфия перформансов») и вектор новых технологических направлений. Автор подчеркивает, что адаптационные механизмы китайской культуры эффективно функционируют в условиях развития глобализационных процессов.

Глобализация использует разнообразие культурных форм при реализации экономических и социокультурных проектов. Особенно наглядно это проявляется в рекламной деятельности. Выходя на рынки Азии, транснациональные корпорации в качестве мощного ресурса стимулирования потребительского интереса в регионах включают этнокультурный компонент в содержание и визуальное оформление рекламных продуктов. В свою очередь, государственные, социальные и экономические системы различных регионов Азии применяют собственный культурный код не только для продвижения отечественных товаров на локальном и/или региональном рынке, но и для развития социальной рекламы, транслирующей традиционные ценности и модели поведения. Практику использования социокультурных компонентов как

маркера современного рекламного рынка Китая исследуют *О. А. Нестерова, Е. Н. Соколова и А. В. Беляева*, сопоставляя современную рекламную практику в материковом Китае, Гонконге и Тайване.

Сходство и различия культурных кодов взаимодействующих народов и стран влияют на эффективность развития их внешнеполитического диалога. Использование в политическом дискурсе концептов, выражающих общие интересы в международном глобальном и региональном пространстве и тем самым обуславливающих развитие продуктивной коммуникации, является одной из технологий внешнеполитической пропаганды, методологически обоснованной и практически апробированной в XX в. Коммуникативные стратегии, реализованные в сфере индо-советских отношений 1960–1970-х гг. (стратегии «дружба»), *О. Л. Солодкова и О. А. Нестерова* исследуют на основе творческого наследия лауреата премии Неру журналиста-индолога Л. В. Митрохина, личный архив которого представляет собой уникальное собрание исторических документов, значительной частью которого является переписка востоковеда с индийскими коллегами, политическими деятелями, представителями науки и культуры, рабочими и служащими, инженерами, студентами и врачами с 1965 по 2000 гг. Сопоставимость культурных кодов народов Индии и России и ментальных основ их взаимного восприятия позволила долгие годы развивать дружеское взаимодействие.

Культурные коды Азии проявляются не только в сферах изобразительного искусства и литературы, в практике торговли и международных отношений, но и в современном политическом дискурсе, претерпевающим в условиях глобализации существенные изменения как в содержательно-смысловом аспекте, так и в формах языковой презентации.

Рассматривая персуазивные высказывания бюджетных посланий президента Республики Корея Мун Чжэ Ина, *В. В. Вишнякова* выявляет изменения внутривнутриполитической риторики президента, в которой традиционные авторитарные речевые формулы дискурса власти постепенно сменяются концептами, отражающими «равноправный диалог» с населением и декларируемое участие народа в создании «справедливого государства». На основе анализа текстов бюджетных посланий автор выявляет элементы использования традиционного культурного кода и его трансформации под влиянием глобализационных процессов – в частности, модификацию способов проявления конфуцианского архетипа «мудрого правителя» («отца»), включение в речь инклюзивного «мы» и метафоры «пути», направленного на достижение «мировых стандартов» экономики.

Во внешнеполитическом дискурсе особое место занимает дискурс конфликта – один из обширных сегментов практики регионального и глобального взаимодействия. В современном информационно-коммуникативном пространстве представлены различные точки зрения на то или иное столкновение политических и экономических интересов. Степень воздействия на аудиторию с целью формирования убеждений, оценочных суждений и поведенческих установок во многом зависит от выбора речевых средств и способов формирования и/или актуализации в картине мира адресата концептов, позволяющих однозначно интерпретировать конфликтные ситуации в заранее заданном формате. *Ю. Б. Дюндик и Т. Е. Шишмарева*, изучив механизмы языковой репрезентации в медиaprостранстве КНР и США территориального конфликта в Южно-Китайском море, определяют основные функции политического медийного дискурса: воздействующую, регулятивно-контролирующую, оценочно-ориентационную и консолидационную. Выявив лексические способы манипуляции сознанием целевой аудитории, авторы подчеркивают, что дискурсивные практики КНР, в сравнении с США, обладают большим потенциалом воздействия на собственную аудиторию, благодаря использованию специфики оценочной функции китайского языка и риторических приемов, а также особенностям китайского менталитета, проявляющегося в выборе речевых средств и их восприятии.

В условиях усиления глобального и регионального взаимодействия стран и народов применяются различные исследовательские технологии, позволяющие изучать особенности развития языков и культур Азии, выявлять особенное и общее при их сопоставлении.

Компаративный анализ коммуникативных особенностей корейской и турецкой лингвокультуры осуществляется в исследовании *Чон Ын Ген* на примере сравнения идиоматических выражений, отражающих социо- и этнокультурные аспекты картины мира. Через фразеологизмы и устойчивые обороты речи иностранные студенты глубже воспринимают изучаемую культуру и живую коммуникативную практику. Отмечая агглютинативный характер корейского и турецкого языков и возможную общность их происхождения из алтайской языковой семьи, автор сопоставляет идиомы, выражающие эмоции, выявляя различия и сходство в их семантической структуре.

Исследуя корпус текстов на корейском языке из фондов Российской государственной библиотеки, *Ж. Г. Сон* выявляет особенности сохранения и развития культурной идентичности советских корейцев в рамках культурной интеграции и культурного трансфера и подчеркивает большую роль переводной художественной литературы в преодолении противоречий между традициями и новациями, в также в формировании новых мировоззренческих установок в процессе приобщения корейской молодежи к ценностям и достижениям русской и мировой литературы. Анализ учебников, изданных на хангыле в период с 1924 по 1937 г., позволяет автору раскрыть основные особенности переходного периода трансформации самосознания корейцев, рецепции ценностей русской (советской) культуры в условиях межкультурного взаимодействия.

Наряду с теоретическими исследованиями разрабатываются и практико-ориентированные подходы к изучению коммуникативных процессов в Азии. Необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов для работы в различных регионах Азии требует внедрения результатов лингвострановедческих исследований в процесс обучения в системе высшего образования. Освоение культурных форм и культурных кодов народов Азии происходит через изучение восточных языков, которые закрепляют и выражают соответствующие элементы этнической концептуальной картины мира. Изучение базовых феноменов иноязычной культуры в лингвистической коммуникации (на примере преподавания корейского языка) рассматривается *Ж. В. Ни* как основа для познания студентами особенностей формирования и функционирования культурной идентичности. *О. В. Кузнецова* акцентирует внимание на опыте подготовки в высших учебных заведениях Республики Корея экспертов международного уровня по изучению процессов политического, экономического, культурного и лингвистического развития в стране и регионе, а также по исследованию взаимодействий Республики Корея с другими странами. *Н. В. Селезнева* раскрывает методические особенности обучения использованию формы утвердительного ответа в рамках китайских коммуникативных стратегий с учетом внелингвистических факторов. *Ю. А. Селиверстова* обосновывает методическую и дидактическую эффективность игровых методов при изучении студентами новой лексики китайского языка и активации полученных знаний. Результатом исследования *А. Д. Мозгуновой* процессов формирования коммуникативных и социокультурных компетенций у студентов лингвистических вузов в ходе изучения ими японского языка является разработка методической основы и структуры учебного курса по устному и письменному переводу текстов СМИ.

Таким образом, во втором разделе монографии представлен спектр результатов научно-исследовательской деятельности отечественных и зарубежных лингвистов, филологов, литературоведов, культурологов, искусствоведов и педагогов, различающихся методологической базой, исследовательскими технологиями и концептуально-понятийным аппаратом, но при этом сходных в стремлении дешифровать культурные коды Азии и познать глубинные механизмы их проявления в современном глобальном информационно-коммуникативном пространстве.

В. В. Малявин, О. А. Нестерова

1. Китайский проект глобализации

Растущее влияние Китая на Балканах: вызовы и перспективы

ДУШАН ПРОРОКОВИЧ

**Руководитель Центра евразийских исследований
Института международной политики и экономики, доцент
факультета дипломатии и безопасности, Белград, Сербия**

dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Появление Китая как участника региональной политики на Балканах – совершенно новое явление. Влияние Китая и в экономике, и в политике неуклонно растет, и были предприняты взаимные шаги для укрепления военного сотрудничества. Китайские компании стали важнейшими инвесторами, от которых зависит экономическое развитие в регионе, китайские банки финансируют крупные инфраструктурные проекты в регионе. Заметным стало и присутствие Китая в культурной политике, появились центры научного сотрудничества. Учитывая, что ЕС и НАТО считают Китай геополитическим противником, нет сомнения, что они используют институциональные механизмы и экономическое давление для сдерживания Китая на Балканах. Но в свете итогов сотрудничества между Китаем и балканскими странами у этого формата есть перспективы. Тем не менее в будущем это сотрудничество ждут серьезные испытания.

Ключевые слова: Китай, Балканы, Западные Балканы, китайское влияние, ЕС, НАТО.

CHINA'S GROWING INFLUENCE IN THE BALKANS: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

DUŠAN PROROKOVIĆ

**Head of the Center for Eurasian Studies at the Institute of
International Politics and Economics, Associate Professor,
Faculty for Diplomacy and Security, Belgrade, Serbia**

dusan@diplomacy.bg.ac.rs

The emergence of China as a regional policy actor in the Balkans is a completely new phenomenon. China's influence has been growing, both in economy and in politics, and initial

steps have been taken to improve military relations. To date, Chinese companies have become indispensable investors, on which economic growth in the region depends, and banks are important lenders that finance the construction of some of the most important infrastructure projects. The offensive of Chinese institutions in the field of cultural diplomacy is also visible, with the expansion of scientific cooperation with research centers in the Balkans. Given that the EU and NATO have recognized China as a geopolitical challenger and Chinfluence as a threat, it is undoubted that they will use institutional mechanisms and economic leverage to attempt to limit or squeeze China out of the Balkans. From the perspective of the ten-year development of relations between China and the Balkan countries, this format has a perspective. At the same time, looking at the long-term interests of the EU and NATO, there are many challenges ahead.

Keywords: China, Balkans, Western Balkans, Chinfluence, EU, NATO.

Introduction

The emergence of China as a regional policy actor in the Balkans is a completely new phenomenon. Namely, from 1958 to 1978, China established special ties with Albania. China returned to this region 30 years later. Since 2009, China's influence has been growing, both in economy and in politics.

The growth of Chinese influence in the Balkans has been recorded since the implementation of the ambitious Belt and Road Initiative (BRI). Intensified political contacts and first investments emerged in 2009, at the stage when the BRI was being prepared. Since 2013, we have been witnessing a kind of "eruption" [Dimitrijević, Ping, 2017].

The Balkan Peninsula is an integral part of the European (Maritime) Route. Chinese Premier Li Keqiang "described the port of Piraeus as a pearl in the Mediterranean Sea and said it could become one of the most competitive ports of the world"¹. Also, the Balkans is well connected (transport and economic ties) with Western Turkey (CAWA route) and Central Europe (NELB).

As a result, in September 2019, a direct railway connection was established via NELB from Jinan (Shandong Province) to Belgrade (Serbia)². In this context, the initiative to modernize the Belgrade–Budapest railway should also be considered. In 2014 governments of China, Serbia, Hungary and Macedonia signed an agreement on the modernization of railroad traffic with the intention to extend the Budapest–Belgrade railway to the south towards Macedonia and Greece through a North–South vertical. Thus, the new transport corridor would connect the port in Piraeus and the most important traffic junctions of Central Europe, which are part of the NELB.

The CEE (Central – Eastern Europe) region "is attractive to China thanks to its strategic geographical position for the New Silk Road project, its high-skilled yet cheap labour, and its open trade and investment environment." [Stanzel, 2016. P. 1].

Table 1: Land and Maritime routes – Belt and Road Initiative³

¹ Renee Maltezos. Greece seeks role as China's gateway to Europe // *Reuters*, June 20, 2014. URL: <https://www.reuters.com/article/greece-china-assets/update-1-greece-seeks-role-as-chinas-gateway-to-europe-idUSL6N0P14DW20140620> (date of access: 01.09.2019).

² Ljudmila Cvetković. Prvi teretni voz iz Kine putuje ka Srbiji // *Radio Slobodna Evropa*, oktobar 1, 2019. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/srbija-kina-teretni-voz/30193560.html> (date of access: 02.10.2019).

³ According to: Bala Ramasamy, Matthew Yeung, Chorthip Utoktham, Yann Duval, "Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors", Working Paper Series, No. 172, Asia – Pacific Research and Training Network on Trade – UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, Bangkok, 2017, pp. 9–22; Richard Ghiasy, Fei Su, Lora Saalman, *The 21 st Century Maritime Silk Road: Security implications and ways forward for the European Union*, Stockholm International Peace Research Institute – Friedrich Ebert Stiftung, Stockholm, 2018, pp. 4–31.

Land routes	Countries (directly) involved
New Eurasian Land Bridge (NELB)	Kazakhstan, Russia, Belarus, Poland, Germany, The Netherlands
China–Mongolia–Russia Corridor (CMR)	China, Mongolia, Russia
China–Central Asia–West Asia Corridor (CAWA)	China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, Iran, Turkey
China–Indochina Peninsula Corridor (ICP)	China to Singapore
Bangladesh–China–India–Myanmar Economic Corridor (BCIM)	Bangladesh, China, India, Myanmar
China–Pakistan Economic Corridor (CPEC)	China, Pakistan

Maritime routes	Countries (directly) involved
China–Southeast Asia Route	China, Vietnam, Singapore, Myanmar, Philippines, Malaysia, Indonesia, Thailand, Cambodia
China–South Asia Route	China, Sri Lanka, Pakistan, Oman
China–Middle East & East Africa Route	China, Malaysia, Singapore, UAE, Iraq, Saudi Arabia, Djibouti, Maldives, Eritrea, Sudan, Tanzania, Kenya
Europe Route	China, Singapore, Sri Lanka, Saudi Arabia, Greece, Italy, Spain
Arctic Route (Northern Sea Route)	China, North Korea, Russia

Table 2: Chinese firms’ major construction contracts in the Western Balkans, 2010–2017 [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]

country	year	contractor	sector	USD mn
B & H	2010	Dongfang Electric	Energy	720
B & H	2013	Power Construction Corp	Energy	280
B & H	2014	China Energy Engineering	Energy	1,060
B & H	2015	Dongfang Electric	Energy	460
B & H	2017	Shandong Gaosu	Transport	640
N. Macedonia	2013	Power Construction Corp	Transport	400
Montenegro	2014	China Communications Construction	Transport	1,120
Serbia	2010	China Communications Construction	Transport	260
Serbia	2010	Sinomach	Energy	340
Serbia	2013	China Communications Construction	Transport	850
Serbia	2013	Shandong Gaosu	Transport	330
Serbia	2013	Sinomach	Energy	720
Serbia	2016	China Communications Construction	Transport	230

country	year	contractor	sector	USD mn
Serbia	2016	Sinomach	Energy	230
Serbia	2016	Huawei	Technology	170
Serbia	2016	China Comm. Constr. and China Railw. Eng	Transport	160
Serbia	2016	Power Construction Corp	Transport	220
Serbia	2017	Shanghai Electric	Energy	210
Serbia	2017	China Communications Construction	Transport	520
Serbia	2017	Power Construction Corp	Energy	230

The number of major Chinese projects contracted in the Western Balkans (shown in Table 2) “since the outbreak of the global financial crisis is non-negligible. Overall, Chinese infrastructure projects make up about USD 9.1 billion (EUR 7.8 billion). Almost 90% of these, however, have been initiated only since 2013. The most important transport sector contractor is the predominantly state-owned China Communications Construction Company. In the energy sector, the state-owned China National Machinery Industry Corporation – known as Sinomach – is the leading

contractor. Geographically, the prime target of Chinese construction contracts is Serbia.” [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]. The increased interest of Chinese investors and banks in investing in Greece is also evident (shown in Table 3).

In Bulgaria „In the realm of infrastructure, the China Machinery Engineering Corporation (CMEC) signed in 2019 a €120 million contract with the joint stock company Logistical Center-Varna for the joint development of port infrastructure in Bulgaria’s largest seaside city of Varna. This is the first project of its kind that Beijing is going to realize in Bulgaria and is part of the Belt and Road Initiative. China has also made a major investment in innovative Bulgarian business. The China-CESEE Investment Corporation Fund (a \$500 million private equity fund launched in 2014 through financing provided by the Exim Bank of China) acquired a 10% share in Walltopia – a world leading Bulgarian manufacturer and installer of mounting walls. Moreover, the China National Nuclear Corporation (CNNC) has expressed interest in the construction of the Belene nuclear power plant in cooperation with Russia’s Rosatom.”⁴ Chinese companies are also increasingly present in Romania: „The Dutch multinational company Nidera, the largest trader in commodities for agricultural markets with operations in Romania, which was taken over in 2017 by COFCO, China; The American company Smithfield Foods, a global leader in pig farms and pork production, with a branch in Romania that manages 46 farms in the counties of Timi and Arad, which was taken over in 2013 by Shuanghui International, in the largest ever Chinese acquisition of an American company (over USD 7 billion); The famous Italian tyre maker, the world’s fifth largest, Pirelli, which was taken over in 2015 by the Chinese state conglomerate ChemChina in a USD 7.7 billion deal, including two factories in Romania”. [Pencea, 2017. P. 24]. Curiosity is the fact that China’s most modest activities have been detected in Albania. „In 2016 China’s Everbright Group bought Tirana’s Nënë Tereza International Airport Company and it has a concession on the airport until 2027. The aim is to set up a logistics centre to transport Chinese goods into Europe and to promote tourism in Albania, especially tourists from China”⁵.

Of course, some authors are right to state that „these projects are not FDI, but mostly public investment contracts financed by Chinese banks; not all the projects might be realised.” [Holzner, Schwarzhappel, 2018. P. 17]. So the data presented in Tables 2. and 3. can also be deceiving.

Several major projects announced in Bulgaria and Romania have failed or have been delayed.⁶

Table 3: Major Chinese Investments in Greece 2009–2017. [Bastian, 2017. P. 10]

⁴ Rumena Filipova. Chinese Influence in Bulgaria: Knocking on a Wide Open Door? // *China Observers in Central and Eastern Europe*, September 09 2019. URL: <https://chinaobservers.eu/chinese-influence-in-bulgaria-knocking-on-a-wide-open-door/> (date of access: 02.10.2019).

⁵ Anne-Marie Brady, Hiromichi Higashi. Are we real friends? Albania-China relations in the Xi Era”, *Sinopsis – China in Context and Perspective*, Institute of East Asian Studies at Charles University // NGO AcaMedia. Prague. 2019. URL: <https://sinopsis.cz/en/are-we-real-friends-albania-china-relations-in-the-xi-era/> (date of access: 02.10.2019).

⁶ Mario Tanev. Bulgaria’s Bulstrad files petition for bankruptcy proceedings against Litex Motors // *SEENews*, March 29, 2017. URL: <https://seenews.com/news/bulgarias-bulstrad-files-petition-for-bankruptcy-proceedings-against-litex-motors-563353> (date of access: 10.10.2019).

country	year	contractor	sector	USD mn
Greece	2009	COSCO	Transport	678
Greece	2014	China Development Bank	Transport	1,100
Greece	2014	Exim Bank	Transport	340
Greece	2014	ICBC	Energy	490
Greece	2014	China National Aero Technology	Transport	158
Greece	2015	ICBC – Sinohyrdo	Energy	880
Greece	2016	COSCO	Transport	280
Greece	2017	State Grid Corp.	Transport	320

In Romania “The Cernavodă Nuclear Power Plant is one of the most important Romanian – Chinese projects that have not been implemented. Because of the quick succession of Romanian governments, the negotiations were delayed for more than two years. /.../ The project was estimated to cost around 6.4 billion euro (8 billion dollars).” [Popescu, Brînză, 2018. P. 32]. A preliminary investors’ agreement has been signed in May 2019, but now, after five years of negotiations, a new problem has arisen: “The fact that the Chinese partner is under US sanctions would make this subject very politically sensitive for Nuclearelectrica”⁷.

In the case of Bulgaria and Romania, the reasons for the relative failure should also be sought in the EU’s membership of the two countries. „As an EU Member State Bulgaria has an access to the EU Structural Funds which provide partial grants and this makes Chinese loans less attractive.“ [Zhelev, 2018. P. 12]

However, despite some failures, it should be emphasized that China’s presence in the Balkan economies has been expanding since 2009, and especially since the launch of the BRI in 2013. Everything the Chinese have accomplished has been done in just 5–10 years.

1. Western Powers vs Chinfluence

The rapid spread of Chinese influence in the Balkans has caused both EU and US reactions. European Commissioner for Enlargement Johannes Hahn warned of the role of China in the Western Balkans and the possibility that Beijing will transform the region’s countries into *Trojan horses* that will one day be members of the EU⁸.

„The German Foreign Minister Sigmar Gabriel appealed to EU members to pursue a common foreign policy vis-à-vis China to counter Beijing’s tactics: *If we do not succeed, for example, in developing a single strategy towards China, then China will succeed and dividing Europe*, he said. China is increasingly anticipated by the EU as a threat.“ [Prorokovic, 2017. P. 9]. For US analysts, the Chinese approach is clear, and therefore very problematic: „Interestingly, a comparison could be made with the United States between the two world wars and China’s promotion of the MSRI (*Maritime Silk Road Initiative, as a part of BRI, remark by D. P.*).“ [Blanchard, Flint, 2017. P. 235].

⁷ Fondul Proprietatea: Romania’s Nuclearelectrica should not invest in more nuclear units // *Romania Insider*, 06 September 2019. URL: <https://www.romania-insider.com/fondul-proprietatea-nuclearelectrica-investment> (date of access: 05.10.2019).

⁸ Ryan Heath, Andrew Gray. Beware Chinese Trojan horses in the Balkans, EU warns // *Politico*, 27.07.2018. URL: <https://www.politico.eu/article/johannes-hahn-beware-chinese-trojan-horses-in-the-balkans-eu-warns-enlargement-politico-podcast/> (date of access: 02.02.2019).

To a certain extent, it is unbelievable that Chinese influence is growing despite the fact that most Balkan countries are in the EU and/or NATO. The analysis of Slovenian IFIMES offers a simple explanation of this phenomenon: “European leaders have often confirmed their support to the Western Balkans and its Euro Atlantic road, expressing at the same time concerns about the impact of individual states in the region, particularly Russia, China and Turkey. The EU with its enlargement stalemate practically pushes the Western Balkans counters to Russian *hug*, to blame in the end those countries for their close relations and cooperation with Russia. However, some EU states always set new requirements and membership criteria for the Western Balkans. Some experts have been pointing out that 15 EU member countries would not be able to fully meet the membership criteria now, which are required from the Western Balkans countries.”⁹

In addition, the hypocrisy or double standards of both – the EU institutions and key European countries are often visible. Germany, for example, strongly insisted on the implementation of the *Third Energy Package*, which essentially meant stopping the construction of the South Stream gas pipeline across the territories of Bulgaria, Serbia and Hungary¹⁰. But at the same time, it continued to build the North Stream and the EU did not even try to prevent it. [Proroković, 2018. P. 702].

Similar is the case with NATO, which is a key instrument in securing the US position in the Balkans. The US aggressive policy is based on the securitization of the *Russian issue* as well as the new attitude of the Donald Trump administration towards acute crises in the Middle East. In this context, the Balkan NATO members are forced to following the US, establishing a restrictive policy towards Russia and supporting Washington’s initiatives in the Middle East, which is not usually in their national interest. [Proroković, 2018a. P. 86–87].

2. Conclusion: Perspectives and Challenges

In contrast to the Western powers, which show a deficit of “optimistic initiatives” or constantly make political demands, the Chinese approach is different. China presents itself as an ambitious and constructive partner. And more importantly for “Balkan Stabilitocracies”, it does not require any political concessions¹¹. This is probably the reason for China’s great success. China is firmly committed to realizing the geo-economic goals of the BRI and is taking a number of initiatives in the Balkans. To some extent, it is even noticeable that „the number and intensity of China’s economic and political initiatives in the Balkans since 2013 are utterly disproportionate to the size of the markets and the foreign trade importance of these countries to China.” [Proroković, 2016. P. 54–55]. Therefore, it can be concluded that China is projecting the pace and scope of its presence in the region. China has become a serious challenger to the US and EU in the Balkans. Therefore, China is an actor who will become more involved in regional political and security issues in the future.

However, the West’s advantage in the Balkans is characterized by its deep institutional presence (EU and/or NATO membership) and widespread economic ties (which are completely disproportionate, so that the export of the Balkan countries is predominantly EU oriented). Given that the EU and NATO have recognized China as a geopolitical challenger and *Chinfluence* as a threat, it is undoubted that they will use institutional mechanisms and economic leverage to attempt to limit or squeeze China out of the Balkans.

⁹ Western Balkans 2019: Does the EU push the Western Balkans countries to the Russian „hug“? // The International Institute for Middle East and Balkan Studies, Ljubljana, October 16.2019. URL: <https://www.ifimes.org/en/9706> (date of access: 20.02.2020).

¹⁰ „Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC (Text with EEA relevance)”, Official Journal of the European Union, 14.08.2009, L211, pp. 55–92. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0055:0093:EN:PDF> (date of access: 02.02.2019).

¹¹ About “Balkan Stabilitocracies” more in: Florian Bieber, „The Rise (and Fall) of Balkan Stabilitocracies“, *Horizons*, Issue No. 10, Winter 2018, Center for International Relations and Sustainable Development, Belgrade. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/the-rise-and-fall-of-balkan-stabilitocracies> (date of access: 15.01.2020).

From the perspective of the ten-year development of relations between China and the Balkan countries, this format has a perspective. At the same time, looking at the long-term interests of the EU and NATO, there are many challenges ahead.

References

Bastian J. The potential for growth through Chinese infrastructure investments in Central and South-Eastern Europe along the 'Balkan Silk Road'. Athens // London: Report prepared by Dr Jens Bastian for the European Bank for Reconstruction and Development (with funding from the Central European Initiative), July 2017. P. 62. (in English)

Blanchard Jean-Marc F. and Colin F. The Geopolitics of China's Maritime Silk Road Initiative // *Geopolitics*, 2017. 22 (2), 2017. P. 223–245. (in English)

Dimitrijević D. and Huang Ping (Eds.). Initiatives of the 'New Silk Road' – Achievements and Challenges. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2017. P. 529. (in English)

Ghiassy R. and Fei Su, Saalman L. The 21 st Century Maritime Silk Road: Security implications and ways forward for the European Union. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute – Friedrich Ebert Stiftung, 2018. P. 63. (in English)

Holzner M. and Schwarzhappel M. Infrastructure Investment in the Western Balkans, Luxembourg: European Investment Bank – Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, 2018. P. 38. (in English)

Pencea S. Romania-China Trade and Investment Relations Against the Backdrop of 'One Belt, One Road' Strategy // *Romanian Economic and Business Review*, 2017. Vol. 12, number 2. P. 17–28. (in English)

Popescu L. and Brînză A. Romania-China Relations. Political and Economic Challenges in the BRI Era // *Romanian Journal of European Affairs*, 2018. 18 (2). P. 20–39. (in English)

Prorokovic D. China – CEE relations need new strategies // *China Daily*, November 27. 2017. P. 9. (in English)

Proroković D. Geoekonomski aspekti kineske koncepcije OBOR i pozicija Srbije, Crne Gore i BiH // *Nacionalni interes*, 2016. XII (26), 2/2016. P. 35–58. (in Serbian)

Proroković D. Od Soluna do Sofije: zašto je slabio uticaj EU na Zapadnom Balkanu? In: Dragan Simić, Dejan Milenković, Dragan Zivojinović (Eds.). *Evropa za mene*. Beograd: Fakultet političkih nauka – Univerzitet u Beogradu, 2018. P. 693–702. (in Serbian)

Proroković D. Pogled na Srbiju iz okvira evroatlantizma kao geopolitičkog koncepta: zašto srpski interesi nisu podudarni sa američkim ciljevima? // *Politika nacionalne bezbednosti*, 2018a. IX (14), 1/2018. P. 73–88. (in Serbian)

Ramasamy B. and Yeung M., Utoktham C., Duval Y. Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors // *Working Paper Series*, No. 172, Asia – Pacific Research and Training Network on Trade – UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, Bangkok, 2017. P. 9–22. (in English)

Stanzel A. China's Investment in Influence: the future of 16 + 1 cooperation // *China Analysis*, Brussels: European Council on Foreign relations. 2016. P. 16. (in English)

Zhelev P. Bulgarian – Chinese economic relations in the context of 16+1 Cooperation // *China – CEE Institute*, 2018. Working paper No. 28. P. 12–14. (in English)

Китайско-германские отношения в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

ГАЛИМЗЯНОВА АЛЬБИНА КАРИМОВНА

**преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатическая академия МИД России**

Galaktika735@mail.ru

Данная статья посвящена анализу перспектив китайско-германского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Автор подчеркивает, что данная инициатива поможет укрепить глобальный характер двусторонних отношений, а также укрепить сотрудничество в финансовом секторе. Реализация инициативы «Один пояс, один путь» позволит Китаю и Германии сотрудничать в целях содействия стабильности и процветанию стран, расположенных вдоль Шелкового пути, таких как страны Центральной Азии. Инициатива способна объединить культуры и народы стран, расположенных вдоль Шелкового пути. Кроме того, к Шелковому пути примыкают нестабильные регионы, такие как Ближний Восток и Африка. Принимая во внимание, что Европа, и в частности Германия, страдает от притока мигрантов, Китай и Германия заинтересованы в достижении стабильности в регионе. В настоящее время существуют прямые грузовые рейсы между городами Германии и Китая, такими как Чунцин–Дуйсбург, Чжэнчжоу–Гамбург, Шэньян–Лейпциг, Пекин–Нюрнберг. Подчеркнуто, что Германия также поддерживает и принимает активное участие в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Ключевые слова: Китай, Германия, международные отношения, мировая политика, «Один пояс, один путь».

SINO-GERMAN COOPERATION UNDER THE FRAMEWORK OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE

GALIMZYANOVA ALBINA KARIMOVNA

**Lecturer, Department of Oriental Languages, Diplomatic
Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs**

Galaktika735@mail.ru

Sino-German cooperation under the framework of the «One Belt, One Road» initiative can strengthen the global nature of bilateral relations, set in motion the process of bilateral trade and

investments, cooperation in third country markets, as well as strengthen cooperation in the financial sector. This will benefit not only Chinese companies, European goods, services and the financial sector will also be able to develop new markets.

The implementation of the «One Belt, One Road» initiative will allow China and Germany to cooperate in order to promote the stability and prosperity of countries alongside the Silk Road Route, such as the countries of Central Asia. The initiative is able to unite the cultures and peoples of the Silk Road countries.

In addition, unstable regions such as the Middle East and Africa also adjoin the Silk Road. Taking into account that Europe, and Germany in particular, is suffering from an influxes of migrants and refugees from Syria, China and Germany are interested in achieving stability and development in the region.

Currently, there are direct freight trains between the following German and Chinese cities, such as Chongqing–Duisburg, Zhengzhou–Hamburg, Shenyang– Leipzig, Beijing–Nuremberg. The China–Europe Express runs from Shilong railway station, Guangdong province to Duisburg. Germany also supports and takes an active part in the construction of the «Asian infrastructure investment Bank».

Keywords: China, Germany, international relations, foreign policy, “One Belt, One Road” initiative.

Инициатива «Один пояс, один путь», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года во время государственного визита в Казахстан, направлена на развитие новых транспортных путей и торгово-экономических коридоров. Основу китайской инициативы «Один пояс, один путь» составляют «пять коммуникаций»: взаимосвязанная инфраструктура, беспрепятственная торговля, финансирование капитала, политическая коммуникация и связь между народами, которые основаны на принципе взаимного сотрудничества, совместного строительства и общедоступности и характеризуются открытостью и терпимостью [Кэлинь Фулинътэ, Чжан Сяотун, 2016###1–24#]. Проект призван объединить страны Европы и Центральной Азии, а также страны Африки во имя мира, открытости, сотрудничества и всеобщего выигрыша.

Китайско-германские отношения переживают лучший период развития в истории. Страны установили отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, и двустороннее сотрудничество все крепнет. Германия также играет ведущую роль и в отношениях Китая с Европейским союзом [Чжэн Чуньжун, 2015. С. 1–14].

После того как Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», европейские ученые начали изучать ее возможное влияние на Европу [Casarini, 2016. P. 1–14]. Большое внимание данной инициативе было уделено и со стороны правительства Германии. Это связано не только с вышеупомянутым высоким положением Германии в ЕС и с высоким уровнем китайско-германских отношений, но и обусловлено историческими и географическими причинами. Впервые представление и понятие о Великом Шелковом пути было предложено немецким геологом, географом и путешественником бароном Фердинандом фон Рихтгофеном (1833–1905). Согласно его концепции, Китай и Германия расположены на двух концах экономического пояса Великого Шелкового пути и являются двумя основными экономическими системами и полюсами роста Европы и Азии. Ожидается, что вместе эти две страны разовьются в два крупнейших межотраслевых рынка Евразии. В поисках ответа на вопрос о потенциале инициативы «Один пояс, один путь» для развития китайско-германских отношений обратимся к более детальному рассмотрению скрытого потенциала инициативы.

Среди стран Европы одним из активных сторонников инициативы является Германия. Правительство ФРГ активно поддерживает и принимает участие в инициативе «Один пояс, один путь» главным образом потому, что немецкая сторона видит колоссальный потенциал

инициативы, направленный на развитие китайско-германских отношений. Китайско-германское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» способно усилить глобальный характер двусторонних отношений, привести в движение двусторонние торгово-экономические инвестиции, а также укрепить сотрудничество в финансовом секторе.

Германия самая первая из европейских стран выразила свое одобрение инициативы «Один пояс, один путь» и положительно восприняла намерение стран-учредительниц вступить в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

10 октября 2014 года Китай и Германия провели третий раунд межправительственных консультаций в Берлине и совместно опубликовали документ: «Платформа китайско-немецкого сотрудничества: совместное формирование инноваций». Статья 8 этого документа гласит: «Немецкая сторона приветствует расширение сухопутного торгового пути между Китаем и Европой и инициативу экономического пояса Шелкового пути. Это откроет новые возможности для китайско-германского и китайско-европейского сотрудничества и будет способствовать стабильности и процветанию региона Центральной Азии и примыкающих государств»¹². 29 октября 2015 года, когда федеральный канцлер Германии Ангела Меркель в восьмой раз посетила Китай с официальным визитом, Си Цзиньпин заявил, что Китай ценит активную поддержку и участие немецкой стороны в инициативе «Один пояс, один путь» и в проекте Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Меркель, в свою очередь, заявила, что в новой обстановке немецкая сторона готова углублять практическое сотрудничество с Китаем в области экономики, торговли, промышленности и финансов, а также активно участвовать в инициативе «Один пояс, один путь» и в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций¹³. На пресс-конференции в ходе визита Меркель еще раз подчеркнула, что Германия уделяет пристальное внимание инвестиционным проектам в рамках «Шелкового пути», и выразила готовность внести в них свой вклад.

Во избежание внутренней конкуренции между странами ЕС по сотрудничеству с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также для того, чтобы сотрудничество между Китаем и Европой соответствовало стандартам ЕС в области государственных закупок, интеллектуальной собственности, правилам честной конкуренции, Германия с самого начала подчеркивает роль ЕС в инициативе «Один пояс, один путь» и способствует созданию соответствующего контактного механизма между Китаем и Европой. С этой целью после подписания меморандума о взаимопонимании в сентябре 2015 года, устанавливающего платформу взаимосвязи между Китаем и Европой¹⁴, Германия всегда подчеркивала центральную роль этой платформы во взаимосвязи Китая и Европы [Цуй Хунвэй, 2016. С. 51–61]. Это также отражено в коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций, в котором, в частности, было написано: «Китай и Германия будут изучать вопрос о содействии участию немецких компаний в существующих механизмах (особенно в платформе взаимосвязи Китай–Европа), расширять сотрудничество в сфере промышленных инвестиций и финансов»¹⁵.

Германия также поддерживает и принимает активное участие в строительстве Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. 17 марта 2015 года в совместном заявлении Китая и Германии по итогам Первого финансового диалога на высоком уровне, Германия объявила о

¹² ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/cede/chn/sbwl/t1212296.htm> (дата обращения: 20.10.2019).

¹³ ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/2015-10-30/doc-ixkxhchn5606599.shtml> (дата обращения: 25.09.2019).

¹⁴ #####-##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.sinhuanet.com/2015-06/30/c_1115774915.htm (дата обращения: 18.09.2019).

¹⁵ ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2016-06/13/c_1119035292.htm (дата обращения: 10.09.2019).

своей готовности присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве потенциального члена-учредителя. Несколько дней ранее, 13 марта, Великобритания также выразила готовность присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве страны-основателя. Германия с удовлетворением отмечает, что Франция, Италия и Германия изъявили желание присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций и сделали совместное заявление о том, что новый банк внесет позитивный вклад в социально-экономическое развитие региона и глобальный экономический рост. Германия занимает весомое место в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций: доля Германии составляет 4,5 млрд. долл., она занимает четвертое место после Китая, Индии и России, а также является крупнейшим инвестором за пределами Азии¹⁶.

Правительство Германии увидело огромные возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества, которые могут дать инициатива «Один пояс, один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, и поэтому демонстрирует позицию активной поддержки этих проектов. В то же время Германия подчеркивает большое значение роли ЕС и выступает за то, чтобы сотрудничество Германии и Китая и ЕС и Китая соответствовало нормам и стандартам Европейского союза. Сотрудничество между Германией и Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», несомненно, принесет новый потенциал и импульс в будущее развитие китайско-германских отношений.

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» поможет придать больше стратегического содержания китайско-германскому сотрудничеству и повысить глобальный характер двусторонних отношений. В последние годы продолжали непрерывно развиваться китайско-германские отношения на высоком уровне, поэтому дальнейшее укрепление двусторонних отношений требует мощного рычага влияния. 28 марта 2014 года президент Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью в немецкой газете «Франкфуртер альгемайне», в которой говорилось: «Давайте выйдем за рамки исключительно торговых отношений, чтобы с помощью более открытого и инновационного мышления наделять китайско-германское сотрудничество стратегическим содержанием»¹⁷. Фактически стратегический и глобальный смысл китайско-германских двусторонних отношений постоянно возрастает. На основе создания китайско-германского механизма правительственных консультаций и всеобъемлющего стратегического партнерства Китай и Германия в последние годы также создали диалоговый механизм в области дипломатии и стратегии безопасности, а также финансовый диалоговый механизм на высоком уровне. Кроме того, как было указано в коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций, укрепилась китайско-германская координация по поиску путей решения глобальных кризисов и конфликтов (таких как Сирия и Афганистан). Усилилось сотрудничество и связи в области глобального управления, особенно после того как Китай и Германия приняли у себя саммит G20 в 2016 и 2017 годах. Все это придало дополнительный импульс сотрудничеству между двумя странами¹⁸. Вдобавок, реализация инициативы «Один пояс, один путь» позволит Китаю и Германии располагать общими интересами и сотрудничать в целях содействия стабильности и процветания стран и регионов, расположенных вдоль «Шелкового пути», таких как, например, Центральная Азия. Кроме того, к «Шелковому пути» также примыкают нестабильные регионы, такие как Ближний Восток и Африка. Принимая во внимание, что Европа, и в частности Германия, страдает

¹⁶ ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://business.sohu.com/20160202/n436706282.shtml> (дата обращения: 17.09.2019).

¹⁷ ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/zg/jx/2014-03/29/c_133222760.htm (дата обращения: 10.11.2019).

¹⁸ ##### “#####G20## “###” ##### [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thepaper.cn/baidu.jsp?contid=1522083> (дата обращения: 10.08.2019).

от наплыва беженцев из Сирии, Китай и Германия имеют общие интересы в достижении стабильности и развития в регионе.

Более того, инициатива «Один пояс, один путь» также будет способствовать развитию связей между Китаем и Германией в рамках соответствующих многосторонних механизмов. Например, Германия воспользовалась возможностью, выступая в качестве председателя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2016 году, придать этой платформе новую энергию, сделав акцент на ведении диалога и обновлении доверия. С этой целью 18–19 мая в Берлине состоялось экономическое совещание ОБСЕ. Китайская сторона также приняла участие.

Инициатива «Один пояс, один путь» поможет продвинуть китайско-германские двусторонние торгово-экономические инвестиции. Это принесет пользу не только китайским компаниям, европейские товары, услуги и финансовый сектор также смогут освоить новые рынки. Например, контейнерный грузовой рейс-экспресс «Китай–Европа» стал локомотивом «Шелкового пути» для продвижения китайско-германских двусторонних экономических и торговых инвестиций главным образом потому, что железнодорожные перевозки имеют очевидные преимущества по сравнению с морскими перевозками, экономя половину времени, а транспортные расходы ниже по сравнению с воздушными перевозками. В марте 2014 года председатель КНР Си Цзиньпин и занимавший в то время пост вице-канцлера Германии Зигмар Габриэль приняли участие в церемонии открытия прямого железнодорожного сообщения Чунцин–Дуйсбург («Чунцин–Синьцзян–Европа»). Это, по-видимому, было первым шагом по китайско-германскому сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В настоящее время между Китаем и Германией проложен целый ряд международных железнодорожных перевозок грузов, таких как Чунцин–Дуйсбург, Чжэнчжоу–Гамбург, Шэньян–Лейпциг, Пекин–Нюрнберг. 14 апреля 2016 года отправился рейс-экспресс «Китай–Европа» с железнодорожной станции Шилун, провинции Гуандун в Дуйсбург. От других рейсов он отличается тем, что отправляется еженедельно по четвергам и обеспечивает нормальную работу¹⁹. China Railways (Китайская железнодорожная корпорация) и Deutsche Bahn AG (немецкий железнодорожный оператор) также подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области эксплуатации рейса Китай–Европа и высокоскоростных железнодорожных перевозок. В 2015 году между Китаем и Германией было перевезено порядка 30 000 контейнеров. Ожидается, что к 2020 году это число увеличится в три раза и составит около 100 000 контейнеров в год²⁰.

С упрощением перевозок в Центральной Европе связано сотрудничество в области упрощения таможенного оформления и сотрудничество в области высокоскоростных железнодорожных перевозок. В документе «Платформа китайско-немецкого сотрудничества: совместное формирование инноваций», китайская и германская стороны заявили, что «страны взяли на себя инициативу и обязательство создать эффективную цепочку поставок в области железнодорожного транспорта для обеспечения беспрепятственной перевозки грузов». В коммюнике по итогам четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций стало ясно, что китайская компания-производитель вагонного оборудования CRRC Corporation Limited и немецкая компания по производству электротоваров Siemens сотрудничают в области высокоскоростных железных дорог и совместно осваивают сторонние рынки. Фактически в дополнение к базовым объектам инфраструктуры (включая информационно-коммуникационную инфраструктуру) на сторонних рынках могут быть реализованы и проекты, включающие энергетику, транспорт, защиту окружающей среды, сельское хозяйство и здравоохранение. В рамках сотрудничества Китай и Германия могут дополнять друг друга в области капиталовло-

¹⁹ #####. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: [http:// www.gov.cn/xinwen/2016-04/14/content_5064091.htm](http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/14/content_5064091.htm) (дата обращения: 10.08.2019).

²⁰ ##### “#####” ### [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://paper.ce.cn/jjrb/html/2016-03/21/content_296060.htm (дата обращения: 15.09.2019).

жения, технологий, рынка и управленческого опыта. А также могут совместно решать вопросы управления безопасностью и стремиться к более широкой международной поддержке и сотрудничеству.

В итоге реализация инициативы «Один пояс, один путь» помогает укреплять сотрудничество между Китаем и Германией в финансовом секторе и будет способствовать превращению юаня в международную валюту. Китай поддерживает строительство и развитие офшорного рынка китайских юаней и местного банка клиринговых услуг для юаня во Франкфурте-на-Майне, а также поддерживает немецкие финансовые учреждения в использовании квоты квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (КИИИ) для выхода на китайский рынок. Германия поддерживает юань в присоединении к специальным валютным корзинам Международного валютного фонда, а также поддерживает методы реформирования квот МВФ. В настоящее время благодаря совместным усилиям с немецкой стороной с 1 октября 2016 года Международный валютный фонд уже включил юани в корзину СДР (специальные права заимствования). Кроме того, как уже упоминалось выше, Германия является важным инвестором в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. В то же время при поддержке Германии Китай стал полноправным членом Европейского банка реконструкции и развития. У Китая и Германии широкие перспективы сотрудничества в области инвестиций и финансирования.

Список литературы

Nicola Casarini. When all roads lead to Beijing: Assessing China's New Silk Road and its implications for Europe // *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs.* 2016, 51 (4). P. 1–14.

Цуй Хунвэй. «Идай Илу» чанъи юй Жункэ тоуцзыцзихуа дуйцзе цянъизин фэньси [## #:#“#####”##### # #####2016##1###51–61##] Анализ перспектив интеграции инициативы «Один пояс, один путь» и инвестиционного плана Юнкера. Немецкие исследования, No 1, 2016. С. 51–61.

Чжэн Чуньжун. «Дэгоцзайчжцноугуаньсичжундэцзюэсэ»[###:### #####]### 2015##3###1–14 ##]Роль Германии в китайско-европейских отношениях. Европейские исследования, Выпуск 3, 2015. С. 1–14.

Кэлинь Фулиньтэ, Чжан Сяотун. «Идай Илу» юй диюань чжэнчжи ли-лунь чуансинь [##•##### #:#“#####”##### # #####2016##3###1–24##] Инициатива «Один пояс, один путь» и инновационные геополитические теории. Дипломатический обзор. Выпуск 3, 2016. С. 1–24.

References

Nicola Casarini. When all roads lead to Beijing: Assessing China's New Silk Road and its implications for Europe // *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs.* 2016, 51 (4). P. 1–14. (in English)

Cui Hongwei. “Yidai yilu” zhanlüe yu rong ke touzi jihua duijie qianjing fenxi” [##### “#####” ##### # #####2016##1### 51–61 ##] Analysis of the prospects for the integration of the “One Belt, One Road” initiative and Juncker's investment plan. *German Studies*, 2016, No. 1. P. 51–61. (In Chin.)

Zheng Chunrong. “Deguo zai zhong'ou guanxi zhong de juejue”[#####]### 2015##3###1–14##] The role of Germany in Sino-European relations. *European Studies*, 2015, No. 3, P. 1–14. (In Chin.)

Kelin Fulinte, Zhang Xiaotong. ““Yidai yilu” yu diyuan zhengzhi lilun chuangxin” [#####
“#####” #####2016##3###1-24##] The “One Belt, One Road” initiative and
innovative geopolitical theories. Diplomatic Review, 2016, No. 3. P. 1–24. (In Chin.)

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» и ее влияние на Ближний Восток

НОМИТА ТОППО

**Научный сотрудник, Центр изучения России и
Центральной Азии, Школа международных исследований,
Университет имени Джавахарлала Неру Нью-Дели, Индия**

nomitavandana87@gmail.com

В последние годы Китай значительно расширил свое экономическое присутствие на Ближнем Востоке. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (OBOR) направлена на экономическое объединение более 60 стран Ближнего Востока, Африки, Европы, Южной Америки и южных регионов Азии. Китайская инициатива OBOR или BRI (Belt and Road Initiative) намерена возродить древний Шелковый путь наряду с морским Шелковым путем. Ближний Восток играет жизненно важную роль в реализации ОПК, поскольку он является источником энергии, обеспечивая более половины импорта сырой нефти Китаем. Кроме того, это также ключевой пункт для доступа на рынки Европы и Африки, где ЕС является крупнейшим экспортным рынком Китая. Китай инвестировал значительные средства в такие секторы, как развитие портов, нефтепереработка, а также развитие инфраструктуры в ближневосточном регионе. Китай также ускорил переговоры о создании зоны свободной торговли между Китаем и Советом сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ). Эта статья представляет собой попытку исследовать природу растущего присутствия Китая на Ближнем Востоке и его последствия в регионе. Для Китая Ближний Восток является торговым центром, поскольку около 70% торгового импорта в Китай поступает с Ближнего Востока. Китай также поощряет программы культурного обмена и межличностное взаимодействие. Таким образом, в настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать присутствие Китая на Ближнем Востоке и его усилия по региональной интеграции, поскольку инициатива «Один пояс, один путь» активизировала развитие в таких регионах, как Ближний Восток и Африка, и пытается связать мир в одну нить.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, «Один пояс, один путь», инфраструктурное развитие, региональная интеграция.

CHINA'S ONE BELT ONE ROAD INITIATIVE AND ITS IMPACT ON MIDDLE EAST

NOMITA TOPPO

**Research Scholar, Centre for Russian and Central Asian Studies, School
for International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India**

nomitavandana87@gmail.com

In recent years China has significantly expanded its economic footprint in the Middle East. China's One Belt, One Road (OBOR) initiative, aims to economically connect more than 60 countries throughout Middle East, Africa, Europe, South America and southern regions of Asia. The OBOR or BRI (Belt and Road Initiative) by China intends to revive the ancient Silk Road along with a Maritime Silk Road. The Middle East plays a vital role in the implementation of OBOR as it is a source of energy, providing more than half of China's crude oil imports. Besides, it is also a pivotal point for market access in Europe and Africa, where the EU is China's largest export market. China has invested heavily in the sectors including port development, oil and refinery development, and infrastructure development in the Middle East region. China has also accelerated negotiations for the establishment of a free trade area between China and the Gulf Cooperation Council (GCC). This article is an attempt to explore the nature of China's growing presence in the Middle East, and its implications in the region. For China, Middle East is a trading hub as around 70 per cent of the trade import in China comes from Middle East. China is also promoting cultural exchange programmes and people-to-people interactions. Thus, this paper attempts to analyse China's presence in the Middle East and its efforts towards regional integration, as the One Belt One Road initiative has initiated development in the regions like Middle East and Africa and is trying to bind the world in one thread.

Keywords: China, Middle East, One Belt One Road, infrastructure development, regional integration.

Introduction

One Belt One Road initiative comprises of two notions introduced by the President of China Xi Jinping in 2013 to endorse economic engagement and investment along two major routes. The first route, the New Silk Road Economic Belt, is reported to run westward overland through Central Asia to Europe. The second route, the 21st Century Maritime Silk Road, is expected to make a loop around south and westward by sea towards Europe, with proposed stopovers in South-east Asia, South Asia and Africa.

In recent years, Chinese companies are leaving their home-based market and going to foreign markets and establish itself. President Xi is putting efforts to strengthen China's global position. He has declared several high-profile multilateral initiatives envisioned to advance China's international existence and promote closer ties with other countries. One belt, one road "not only represents a

renewed, stronger and better coordinated push to expand China's influence overseas, but it is also coupled with a domestic investment drive, in which nearly every Chinese province has a stake²¹.”

Research methodology

The broad mandate of this research is to examine and analyze the presence of China through the OBOR initiative in the Middle East. Examining the implications of OBOR in the Middle east and its effort in regional integration constitutes one of the prime tasks of this research. The proposed study is based on qualitative analysis. The data is obtained majorly from primary and secondary sources. Primary source include official record, government documents, data reports, official policy statements and also speeches and interviews on popular media. Documents of international and regional organisations like MENA and SCO will be used in this study. These will establish imperial basis of this research. The study will also make use of secondary sources such as books, newspapers, journals, articles published in academic journals and internet sources. These will extensively be used for the analysis of all the available primary and secondary sources will apply throughout the study.

China's Obor Initiative

OBOR is a vision launched by President Xi that seeks to integrate China with the Eurasian landmass through an immense network of transport corridors, energy pipelines and telecom infrastructures. The geographic span of OBOR is fairly large, covering around 65 countries, 4.4 billion people and 30 per cent of global GDP²². Although the initiative is called One Belt, One Road, which has created an impression that it is just one corridor, rather the two main routes actually have a series of sub-branches and various economic corridors like for instance, the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), or the China-Central Asia-West Asia Economic Corridor (CCWAEC). Therefore in 2015 China tried to change the name to Belt and Road Initiatives (BRI). However, still it is popularly known as OBOR.

OBOR is China's long-term development strategy. However, in the short term, it is a means to offset higher domestic production cost and excess capacity, reduce transport cost, create new markets for Chinese goods and services, and internationalize the Chinese currency RMB. Whereas, in the long term, China requires to ensure it has timely, efficient, and secure access to markets and resources as in the present it is the worlds' largest trading nation. Chinas presence in the Middle East is of great importance as it links the three continents of Asia, Africa and Europe.

Main Results

The main finding of the study is summed by under the following subheadings: OBOR and Impact on the Middle East; what do countries get in return?

As President Xi Jinping has increased China's effort to take a more active role internationally, the Middle East has become one of the major regions for staging the OBOR initiative. In July 2018 in a gathering of 21 Arab nations in Beijing, President Xi assured substantial loans and financial aid to support economic development in the region. During the meet the Chinese government also lucratively elevated their relationship to a “strategic partnership²³.”

²¹ China-led BRI and its Impact on India with Specific Reference to CPEC. URL: <https://www.nepjol.info/index.php/joia/article/view/22592> (date of access: 28.11.2019).

²² China Belt and Road Initiative Measuring the impact of improving transportation connectivity on trade in the region. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2600/RR2625/RAND_RR2625.pdf (date of access: 02.12.2019).

²³ How China Is Winning Over the Middle East. URL: <https://thediplomat.com/2018/07/how-china-is-winning-over-the-middle-east/> (date of access: 02.12.2019).

Effectively, China has planned to launch a mini Marshall Plan for the Middle East and North African region. The main objective of the China-Arab State Cooperation Forum (formed in 2004) is the economic development of the region. China sees economic development as a key to resolve various security and humanitarian problems in the region.

China and the Middle East have mutual interests and their economic relationship is now expanding beyond oil. Chinese companies are pursuing major infrastructure projects in the Middle East region as part of Belt and Road initiative. The Chinese organizations created to support the Belt and Road Initiative is readily providing financing for much-needed infrastructure. Like for instance in Egypt, the Chinese have declared to invest around \$50 billion to help the development of the new administrative capital.

The demand of renewable energy, fintech, artificial intelligence, and electric cars are increasing in the Middle East; sectors where China is playing a leading role. Major portion of China's financing will go toward supporting projects and sectors where China is a global leader, which is being welcomed by the Middle Eastern countries.

Apart from loans and financial aid for economic development, it was also announced at the Arab Summit for the creation of financial consortium. Wherein Arab and Chinese banks will establish a fund of around \$3 billion to support "economic reconstruction" and "industrial revival." The main objective of this group will be to promote cooperation in the fields of oil and gas, nuclear, and clean energy.

Considerably, President Xi has called upon the Arab countries to commence with negotiations for a free trade agreement between China and the Arab countries. Such negotiation is part of President Xi's larger strategy of exerting its economic influence to negotiate "free trade" agreements with major regions around the globe.

What do countries get in return?

In lieu of cooperating in OBOR projects countries receive preferential financing including grants, interest-free and concessional loans, and other forms of government funding. They also receive a full development package to strengthen their economy. For instance, UAE, which is China's second largest trading partner in the region that handles 60 per cent of China's reexports to Europe and Africa with an estimated value of \$70 billion each year. China has signed a \$300 million deal to develop a manufacturing operation in the free trade zone of Khalifa Port, on the heels of China's COSCO shipping winning rights (\$738 million) to develop and operate a new container terminal for 35 years. While most shipping companies own/ operate terminals and ports on foreign terrain as shipping-centric operations, China differs in that they open new ports and invest in adjoining free trade/ special economic zone and other development initiatives as well so that host countries get the entire development package²⁴.

China is an old ally of Iran and has vested interests, along with Russia, in Iran's oil and gas industry. China is financing the upgrading of the Tehran-Mashhad railway along with China's Exim Bank lending US\$1.5 billion for the lines electrification. The track of 2,300 km line will eventually link Urumqi, the capital of China's western Xinjiang Province, to the Iranian capital Tehran, connecting Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan along the way²⁵.

The proposed railway project is supposed to run from Tehran and join Iran's east-west network leading west to Turkey and Eastern Europe. It is also expected to open a way to Europe by a developing rail route from the southern Iranian ports to Azerbaijan and Europe. Further linking with the Iran's

²⁴ Next Up on China's Maritime Silk Road: Abu Dhabi. URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/08/02/next-up-abu-dhabi-chinas-maritime-silk-road-breaks-into-the-middle-east/#6022124b9bbe> (date of access: 5.12.2019).

²⁵ China's Belt & Road Initiative In The Middle East. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2019/06/21/chinas-belt-road-initiative-middle-east/> (date of access: 5.12.2019).

North-South Transport Corridor, this runs from Chabahar Port north to Azerbaijan. Towards the east, this links up with the also Chinese funded, low key Lapis Lazuli Corridor.

The rail project will extend from Tehran into Turkey and across the borders with the European Union. Additionally, Turkey is also being linked with rail freight lines running north through China and across Kazakhstan, to Baku in Azerbaijan. The Baku-Tbilisi-Kars Railway provides a direct link to Europe from China, via Turkey as it connects through a cross-Turkey. A high-speed rail service is being constructed by China, connecting Kars with Edirne, near Turkey's border with Bulgaria and Greece. Bilateral trade between Turkey and China was recorded at US\$26.3 billion in 2017. Turkey's export to China was around US\$3 billion while its imports from China exceeded US\$23 billion.

China has extensively invested in Syria for developmental purpose. According to Ellis, this is «an opportunistic and geopolitical play; opportunistic as Chinese contractors are looking at reconstruction projects to rebuild the country after its devastating civil war, and geo-political as China recognizes that Syria can provide an alternative route to Europe than the Suez Canal»²⁶. This region is being developed by the Chinese with a Special Economic Zone which is being built in Tripoli Port, and plans to rebuild the Tripoli-Homs Railway. The zone provides Chinese and other regional businesses with low tax options for consolidating and adding value to component parts sourced elsewhere to then be exported to Syria. As per the estimate of the United Nations, it will cost around US\$250 billion to rebuild the region. As Syria is oil rich region, China can initiate with the infrastructure building and in return secure energy supplies. Meanwhile, develop a secondary route to the Mediterranean and southern Europe.

China is a big investor in Israel and has plenty of opportunity in the market, in the fields including real estate, transportation, energy, telecommunications, and other infrastructure requirements. Its ports and trade routes to the Middle East make it a major gateway to Europe for the Middle East, which is beneficial for China. Projects in Saudi Arabia, and the other Arabian states include gas pipelines, to meet Chinese demand and also a better consistent energy network across the region.

In 2018 President Xi visited Saudi Arabia, Egypt, and Iran²⁷, and released its first Arab Policy Paper to signal its intention of increased engagement in the Mideast. The paper outlined the “1+2+3” cooperation framework²⁸. China is also trying to balance ties with Riyadh and Tehran, in March Beijing signed \$65 billion worth of deals with Riyadh and aims to coordinate OBOR projects with Saudi Vision 2030, while in June China backed Iran's admission to the China-led Shanghai Cooperation Organization (SCO) and recently extended a \$10 billion credit line for infrastructure projects. Iran is an important node of the OBOR by virtue of its geography linking Central Asia with South and West Asia, while Saudi Arabia is a leader of the Gulf Cooperation Council (GCC) and also a key oil supplier²⁹. With a planned Tripoli Special Economic Zone adjacent to the port, Tripoli could be a useful hub for Syria and enable China via the OBOR to play a constructive role in post-conflict reconstruction and stabilization efforts.

²⁶ China's Belt & Road Initiative In The Middle East. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2019/06/21/chinas-belt-road-initiative-middle-east/> (date of access: 5.12.2019).

²⁷ Chinese president back home after visits to Saudi Arabia, Egypt, Iran. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0124/c90883-9008539.html> (date of access: 10.12.2019).

²⁸ China in the Post-Hegemonic Middle East: A Wary Dragon? URL: <https://www.e-ir.info/2018/11/22/china-in-the-post-hegemonic-middle-east-a-wary-dragon/> (date of access: 9.12.2019).

²⁹ The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East. URL: http://www.ispsw.com/wp-content/uploads/2017/10/512_Lin.pdf (date of access: 10.12.2019).

Conclusion

Hence, the study concludes that the ongoing regional security problems including terrorism, economic woes, and a need for immediate infrastructure, investment and trade, the OBOR initiative offers a quick economic aid. As China is becoming a more significant geopolitical actor in the Middle East, gradually the regional countries will become more dependent on Beijing for their trade and investment relations. China's increasing economic soft power will in turn ease their dependency on the West and broaden their foreign policy options that may not always align with the United States and European Union interests. This would also reduce Western control over the region, additionally it increases regional countries' freedom of action to diversify and engage with more economic partners. It would be beneficial if great powers including the United States, European Union, China, India, Russia and others also try to cooperate to jointly promote Middle East stability, security and prosperity.

References

- Aneja A.** China reaches out to West Asia, *The Hindu*, 23 March 2017. (in English)
- Awasthi S.** China-led BRI and its Impact on India with Specific Reference to CPEC // *Journal of International Affairs*, 2018, Vol 2 No 1. P. 97–110. (in English)
- Ehteshami A. and Horesh N.** *China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative*, 2019, Routledge. (in English)
- Frans-Paul van der Putten et al eds.** *The Geopolitical Relevance of Piraeus and China's New Silk Road for Southeast Europe and Turkey*, Clingendael Report, 2016. P. 27. (in English)
- Johny S.** China's long game in West Asia // *The Hindu*, 29 January 2016. (in English)
- Lin C.,** *The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East*, ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security, 2017. Vol. 512. P. 1–10. (in English)
- Macaes B.** *Belt and Road: A Chinese World Order*. Penguin Viking, 2019. 288 p. (in English)
- Olimat M.** *China and the Middle East from Silk Road to Arab Spring*, Routledge, 2015. 240 p. (in English)
- Sevilla H.** *China's New Silk Route Initiative: Political and Economic Implications for the Middle East and Southeast Asia*, 2017, *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* Volume 11, Issue 1. P. 83–106. (in English)
- Shichor Y.** *Gains and Losses: Historical Lessons of China's Middle East Policy for Its OBOR Initiative*, *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 2018, Vol. 12 Issue 2. P. 127–141. (in English)

Значение Китайского проекта «Один пояс – один путь» для российской экономики

ДАВЫДЕНКО ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

davvas@mail.ru

Китайский масштабный проект «Один пояс, один путь», анонсированный в 2013 году, представляет значительный интерес для России. Учитывая санкции, введенные западными странами, и дальнейшее укрепление торгово-экономических и политических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Россия и Китай укрепляют сотрудничество в рамках данной инициативы. Особенно актуальным и острым в связи с расхождением целей и интересов китайской и российской сторон является вопрос сопряжения проекта «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза. Как показывает шестилетний опыт реализации инициативы «Один пояс, один путь», реализация проекта идет не гладко и вызывает многочисленные нарекания в адрес Китая из-за навязывания интересов и условий кабалы другим странам, коррупционной составляющей проекта и его непрозрачности. Таким образом, отношение к проекту неоднозначное, и в этих условиях важно выстраивать отношения между Россией и Китаем оптимальным образом для взаимовыгодного сотрудничества. Целью исследования является анализ влияния китайского проекта «Один пояс, один путь» на российскую экономику. Предметом исследования является китайский проект «Один пояс, один путь». Автор приходит к выводу, что в настоящее время российское участие в проекте «Один пояс, один путь» имеет в основном потенциальные преимущества и возможности, а реальные результаты для российской экономики весьма незначительны.

Ключевые слова: Китай, экономика, Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь», Россия.

THE IMPORTANCE OF THE CHINESE PROJECT “ONE BELT – ONE ROAD” FOR THE RUSSIAN ECONOMY

DAVYDENKO ELIZAVETA VASILEVNA

**Associate Professor, The department of international entrepreneurship
St. Petersburg State university of aerospace instrumentation**

davvas@mail.ru

The Chinese large – scale project «One belt – one road» announced in 2013, is of significant interest to Russia. Taking into account the sanctions imposed by Western countries and the further strengthening of trade, economic and political relations with the countries of the Asia-Pacific region, Russia and China are strengthening cooperation within the framework of this initiative. Particularly relevant and acute due to the divergence of goals and interests of the Chinese and Russian sides is a question of interface of the project «One belt – one road» and the Eurasian Economic Union. As the six years' experience of the «One belt – one road» initiative shows, the implementation of the «One belt – one road» project does not go smoothly and causes numerous criticism of China in imposing interests and conditions of bondage to other countries, the corruption component of the project and its opacity. Thus, the attitude to the project is ambiguous, and in these conditions, it is important to build relations between Russia and China in an optimal way for mutually beneficial cooperation. The aim of the study is to analyze the impact of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy. The subject of the study is the Chinese project «One belt – one road». The author comes to the conclusion that at present the Russian participation in the project “One belt has mainly potential advantages and possibilities and real results for the Russian economy are very insignificant.

Keywords: China, economy, Eurasian Economic Union, «One belt – one road», Russia.

Introduction

The importance of studying the impact of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy is beyond doubt. The Chinese project is an open initiative and any country can join it. The project has a huge multiplier effect and is very attractive not only for China, but also for other countries. One of the active participants of the concept of «One belt – one road» is Russia. Nowadays Russia and China are strengthening economic and political cooperation within the framework of this initiative. This article will analyze the impact of the Chinese mega project «One belt – one road» on the Russian economy, highlight its advantages and disadvantages.

Methodology

In the course of the study the author identifying the advantages and disadvantages of the influence of the Chinese project «One belt – one road» on the Russian economy, used a comparative method, analysis and synthesis. The research is based on the materials of Russian and foreign experts and scientists.

Main results

The Chinese project «One belt – one road», combining the «Silk Road Economic belt» and the «Maritime silk road of the XXI century», was first proposed by the President of China – Xi Jinping in 2013. This project is a key element of the general Chinese policy and is aimed at the strengthening China's position in the international arena, solving China's domestic economic problems and strengthening regional integration.

This project will lead to significant transformations in the Eurasian space, in particular in the transport and logistics sectors. The project involves the development of cooperation between the countries in five key areas: infrastructure cooperation, political coordination, the growth of mutual trade, strengthening of spiritual unity and free movement of capital³⁰.

According to the project, it is expected that there will be three main routes of the Economic belt: North – from China through Central Asia and Russia to the Europe, Central – from China through the Central and West Asia to the Persian Gulf and the Mediterranean Sea, South – from China to the Southeast and South Asia to the Indian Ocean. Within these areas it is planned to create international corridors: China-Mongolia-Russia, China-Central Asia-West Asia, China-Indochina, China-Pakistan, Bangladesh-India-Myanmar-China.

The Chinese project is an open initiative and any country can join it. In 2019 China has already signed 173 agreements according to the participation in the project with 125 countries and 29 international organizations. It is interesting that over 60 countries joined the project only in 2018. The project has been so deeply integrated into China's foreign policy that it was mentioned in the Charter of the Communist party of China in 2017³¹.

The scale of the project «One belt – one road» is enormous from the different points of view. For persuasiveness we can give some statistics. Morgan Stanley estimates that by 2027 the project will cost approximately \$1.3 trillion. The Chinese banks and financial institutions, mostly state-owned, have invested more than \$90 billion in this project. The reason is this project is widely supported by the Chinese government. China's partners have invested more than \$ 40 billion in the Chinese economy. The volume of trade between China and «One belt – one road» participants, which exceeded \$6 trillion, is impressive. The trade with project partners increases by an average of 4% per year. Over the six years of the project's existence it accounted for 27.4% of the Chinese trade in whole³². So, the project has a huge multiplier effect and is very attractive, not only for China, but also for other countries.

One of the active participants of the concept of «One belt – one road» is Russia, supporting it from the very beginning of the project. It is necessary to mention that at present the economic relations between China and Russia are developing very dynamically and positively. The impulse for strengthening cooperation between our countries can be considered the introduction by Western countries sanctions in 2014 against Russia and a turn of Russian foreign economic and political strategy towards the Asia-Pacific region, in particular China.

For optimal cooperation between Russia and China it is important to combine the mutual interests of both countries. The interests of the Russian Federation are related to the deepening of strategic partnership with China, in particular within the framework of the Eurasian economic Union [Efremenko, 2018. P. 48]. China relies on further rapprochement with Russia to ensure stability in the North and a strong strategic rear, investment, trade and economic energy cooperation.

³⁰ China in the world and regional politics. The history and modernity. Issue XXII / ed. Safronov E. I. – Moscow: Institute of Far Eastern studies, 2017. – 400 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/211288436> (date of access: 18.12.2019).

³¹ Manukov S. One belt and one road, the clarification path and the extension zone // EurAsia Daily, 03.05.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/03/odin-poyas-odin-put-utochnenie-puti-i-rasshirenie-poyasa> (date of access: 14.12.2019).

³² Ibid.

On the 8th May 2015 as part of the institutionalization of cooperation Russia and China signed a Declaration on the interconnection of the Eurasian economic Union and the Silk Road Economic belt. The Declaration identified key directions of contact: investments in industrial cooperation, a development of a common logistics system, a harmonization of foreign trade legislation, a strengthening of the role of joint financial institutions and expansion of foreign exchange cooperation in the field of foreign trade. In 2016 the Memorandum according to the coordination of joint efforts to promote economic and investment cooperation in various international platforms was signed.

In May 2018 another agreement on cooperation in the economic sphere between the Eurasian economic Union and China on trade policy, technical regulation, phytosanitary control was signed. The harmonization of norms and removal of restrictions will certainly give impulse to the development of cooperation. On the 17th October 2018 during the meeting in Beijing it was proposed to accelerate the pairing of projects within the framework of the «One belt initiative»³³ [Efremenko D. 2018]. This idea was also discussed at the fifth Eastern economic forum in 2019³⁴. Thus due to the active political support and stimulation of joint projects there is a significant institutionalization of cooperation between the Eurasian economic Union, the Silk Road Economic belt, the Russian Federation and China [The strategy of «The Economic belt of the silk road» and the role of the Shanghai cooperation organization, 2016. P. 16].

The interaction between the Eurasian economic Union and the «One belt – one road» initiative is primarily considered from the point of view of the development of logistics infrastructure and the creation of transport corridors. The Eurasian economic Union has proposed 38 projects for joint financing with China, including 11 Russian projects³⁵. Thanks to the support of China the construction and development of transport routes connecting Western China and Western Europe and the Northern Sea route are planned.

The implementation of these projects is perfect for China because it will reduce the speed of delivery of goods to the European market (which is especially important because a daily trade volume of China – EU is 1.5 billion euro) and to Russia, as it will help to develop national production and export potential. As to the Russia the transit potential of the TRANS-Siberian railway is not fully used and a participation in the Chinese project will strengthen its role. The most important infrastructure project of fundamental importance for economic partnership between Russia and China is a construction of a railway bridge over the Amur River. The financial operator of this project is the Russian-Chinese investment Fund, formed By the Russian direct investment Fund and China Investment Corporation.

According to the opinion of some experts, the increase in the supply of goods, including transit through the Russian Federation by the help of land transport on the route China-Europe is real, if infrastructure capabilities and increase capacity will be increased. The experts also note two problems. The first one is an imbalance of under loading of trains when they return. The other problem is investment. The participants of the new Silk Road, who take part in the project as transit points, are still afraid to invest in the project, so the main financial burden falls on China. The China's participation in the Russian projects can be regarded as a «political investment». Despite the loud statements of politicians of the two countries the real results of cooperation between China and Russia in the framework of the project are very modest.

Among project consequences for Russia we can note the following. The participation in the project “One belt – one road” can lead to the integration of the Russian transport system into the

³³ China urged to speed up the pairing of the EAEU with the project «One belt – one road», 17.10.2018. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/108722> accessed 13.12.2019.

³⁴ Eastern economic forum 2019. URL: <https://roscongress.org/events/vostochnyy-ekonomicheskij-forum-2019/> (date of access: 15.12.2019).

³⁵ Transit with a Chinese accent. 21.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2017/12/21/746034-tranzit-kitaiskim> (date of access: 15.12.2019).

transport and logistics network of the Eurasian region, which will open up opportunities for transit and provision of related logistics services and access to the markets of the region³⁶.

Of particular importance within the framework of the project is an interaction of our countries in the field of modernization of poorly developed regions of Siberia and the Far East, which need modern infrastructure and investment. As a concern, we can note a decrease of interest in the TRANS-Siberian and Far Eastern directions. The fact is that the route through Kazakhstan is beneficial for China both in terms of tariff rates and time. At present 10 of the 14 routes China–Russia are passing through Kazakhstan³⁷.

The second advantage is a strengthening of industrial cooperation between the countries, the possibility of forming production clusters. The third plus of the Russian participation in the project “One belt – one road” is a possibility of pairing the Eurasian economic Union and the «One belt – one road» and turning it into a new center of economic and political development at the global level. However, it is worth noting that China is mainly focused on the development of the bilateral relations with each member of the Union individually.

Lately China is accused of opacity and often enslaving terms of agreements, unfair choice of contractors, failure to meet deadlines, untimely provision of promised loans, construction of «white elephants», and damage to the environment. Thus, according to China Global Energy Finance database in 2018 the share of «coal» projects in the project “One belt – one road” was 42%³⁸.

Beijing is also accused of pumping the developing economies involved in the project with loans and debts. The West has even coined a new term – «debt trap diplomacy». In 2019 at the international cooperation forum “One belt – one road” in Beijing the Chinese President promised to become more open to Western investors. China assures the countries that the project has only an economic orientation; however, it is clear for everybody that by increasing economic power the country will gain geopolitical influence³⁹.

The resume

In summary it can be noted that a feature of the Russian and Chinese cooperation in whole and within the framework of the project “One belt – one road” can be called a high level of institutionalization. The economic process is mainly from the top supporting a high political activity of two countries. The Chinese investors act very carefully, and they prefer to conclude agreements rather than invest.

As practice shows a specificity of the Chinese approach is a long-term investigation of the market в длительных переговорных процессах and long negotiation processes that may end up with zero results. So during the reducing of its investments and withdrawing money from the Russian economy in 2018 and 2019 China refused to finance the pipeline “The force of Siberia”, invest in the construction of the Russia’s largest gas processing plant in the Amur region and considered the high-speed railway the Eurasia which was supposed to connect Beijing, Moscow and Berlin unprofitable. Chinese investment companies are often connected with the government financing therefore their investment decisions in many respects are not always motivated only by financial indicators. In our

³⁶ #####: “#####” ##### = The Chinese Ambassador to Russia Li Hui: «The one belt – one road” Initiative opens a new path for the joint development of China and Russia. Режим доступа: URL: [https:// baijiahao.baidu.com/s?id=1610935269955576597&wfr=spider&for=pc](https://baijiahao.baidu.com/s?id=1610935269955576597&wfr=spider&for=pc) (date of access: 18.12.2019).

³⁷ Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: <https://newtvnews.ru/economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/> (date of access: 16.12.2019).

³⁸ Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: <https://newtvnews.ru/economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/> (date of access: 16.12.2019).

³⁹ International experts positively assessed the results of the forum «One belt and one road» in Beijing 08.05.2019. URL: <https://news.rambler.ru/other/42154117-mezhdunarodnye-eksperty-polozhitelno-otsenili-itogi-foruma-odin-poyas-odin-put-v-pekine/> (date of access: 14.12.2019).

opinion at present the Russian participation in the project “One belt – one road” has mainly potential advantages and possibilities and real results for the Russian economy are very insignificant.

References

China in the world and regional politics. The history and modernity. Issue XXII /ed. Safronov E. Moscow: Institute of Far Eastern studies, 2017. 400 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/211288436> (date of access: 18.12.2019). (in Russian)

China urged to speed up the pairing of the EAEU with the project «One belt – one road» 17.10.2018. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/108722> (date of access: 13.12.2019). (in Russian)

Eastern economic forum 2019. URL: <https://roscongress.org/events/vostochnyy-ekonomicheskii-forum-2019/> (date of access: 15.12.2019). (in Russian)

Efremenko D. The conjugation of the Chinese initiative «The Economic belt of the silk road» and the integration project «Eurasian economic Union» in the context of transformations of the modern world // History and modernity. Issue XXIII: annual edition / ed. by Safronov E. Moscow: IDV RAS, 2018. 392 p. (in Russian)

International experts positively assessed the results of the forum «One belt and one road» in Beijing 08.05.2019. URL: <https://news.rambler.ru/other/42154117-mezhdunarodnye-eksperty-polozhitelno-otsenili-itogi-foruma-odin-poyas-odin-put-v-pekine/> (date of access: 14.12.2019). (in Russian)

Manukov S. One belt and one road, the clarification path and the extension zone // EurAsia Daily 03.05.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/03/odin-poyas-odin-put-utochnenie-puti-i-rasshirenie-poyasa> (date of access: 14.12.2019). (in Russian)

The strategy of «The Economic belt of the silk road» and the role of the Shanghai cooperation organization. The materials of the round table / ed. by Matveev V. Moscow: Institute of Far Eastern studies RAS, 2016. 172 p. (in Russian)

Transit with a Chinese accent. 21.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2017/12/21/746034-tranzit-kitaiskim> (date of access: 15.12.2019). (in Russian)

Where will the Silk Road lead Russia 27.04.2019. URL: <https://newtvnews.ru/economics/2019/04/27/pan-ili-propal-kuda-zavedet-rossiju-shelkovyj-put/> (date of access: 16.12.2019). (in Russian)

#####: “#####” ##### = The Chinese Ambassador to Russia Li Hui: «The one belt – one road” Initiative opens a new path for the joint development of China and Russia. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1610935269955576597&wfr=spider&for=pc> (date of access: 18.12.2019). (in Chinese)

2. Юго-Восточная и Южная Азия: в поисках ответов на глобальные вызовы

Асеан в «смелом цифровом мире»

КАНАЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

ekanaev@hse.ru

ЛАСРО СИМБОЛОН

аспирант НИУ ВШЭ, сотрудник МИД Республики Индонезия

lasrosimbolon@yahoo.com

ШАТЕРНИКОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

учебный ассистент НИУ ВШЭ

psshaternikov@edu.hse.ru

На фоне экспертных оценок деятельности АСЕАН и прогнозов вероятных тенденций ее развития отклик Ассоциации на вызовы, порожденные Четвертой промышленной революцией, приобретает исключительно большое значение. Оценивая достижения АСЕАН в «предцифровую» эпоху как основу ее политики по противодействию цифровым вызовам, авторы определяют степень нынешней и перспективной готовности Ассоциации эффективно управляться с ними. Выделяя исследование из числа большого количества работ о влиянии Четвертой промышленной революции на АСЕАН, авторы проводят следующую центральную мысль – основная уязвимость АСЕАН проистекает из взаимного наложения застарелых и нынешних проблем, что обусловило основную причину недостаточной готовности Ассоциации управляться с цифровыми вызовами, а не серьезность этих проблем как таковых. Научная новизна проведенного исследования состоит в выявлении оптимального средства снижения этой уязвимости.

Выводы и рекомендации авторов по данному комплексу вопросов определяют научную уникальность исследования.

Ключевые слова: АСЕАН, цифровизация, безопасность, азиатско-тихоокеанское многостороннее сотрудничество, инициатива Пояса и Пути, Индо-Тихоокеанский регион, Россия.

ASEAN IN THE “BRAVE DIGITAL WORLD”

EVGENY KANAEV

Professor, NRU HSE, ekanaev@hse.ru

LASRO SIMBOLON

*PhD Student, NRU HSE, Official, Indonesian
Foreign Ministry, lasrosimbolon@yahoo.com*

PAVEL SHATERNIKOV

Teaching assistant, NRU HSE, psshaternikov@edu.hse.ru

As scholars review ASEAN’s performance, as well as predict likely trends of its future development, the association’s response to the challenges presented by the Fourth Industrial Revolution becomes crucial. Assessing ASEAN’s pre-digital achievements as the foundation of its response to the emerging digital challenges, the authors specify the association’s current and prospective readiness to effectively cope with them. As distinguished from numerous writings on the aftereffects of the Fourth Industrial Revolution for ASEAN, the central argument of the chapter is as follows. The key vulnerability of ASEAN’s policy is the overlap of the long-standing and present ASEAN’s shortcomings as the central reason behind its insufficient preparedness to face the digital challenges rather than the seriousness of these problems per se. The academic novelty of the research comes from distinguishing an appropriate remedy to decrease this vulnerability.

The actuality and the academic significance of the research stem from the authors’ identification and analysis of issues critical for ASEAN’s future evolution. Among these issues, the pivotal are prospects for the association to lose its digital sovereignty as a result of the intensifying Sino-American contradictions over the digital issues, the emergence of new imbalances between and within Southeast Asian states with negative implications for the ASEAN Economic Community. The aftereffects of the on-going digitalization of economic exchanges for ASEAN’s multilateral dialogue platforms and initiatives in the economic and political-security sphere. The authors’ findings on this set of issues, as well as their assessment, determine the academic originality of the paper.

Keywords: ASEAN, digitalization, security, Asia-Pacific multilateralism, Belt and Road Initiative, Indo-Pacific region, Russia.

Introduction

The new period of globalization marked by an exponential increase of information flows with the concomitant benefits and challenges presents the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) with serious policy dilemmas. By its very definition, the “brave digital world” can expand ASEAN’s possibilities to maintain the presently respectable rates of economic growth by exploring its new sources. But a deeper insight suggests that the same developments may well give the association strong reasons for concern rather than for optimism.

As the 2020 marks the year of realization of the ASEAN ICT Master-Plan and the middle point of ASEAN’s journey between the ASEAN Community to 2015 and to 2025, in which the digital competitiveness is given special significance, an interim assessment of what the “brave digital world” means for the association is a timely and relevant exercise.

Asean in the Pre-Digital Era: What Was and Was Not Achieved

Declaring that in the realization of ASEAN’s prospective plans to increase its digital competitiveness the previously developed foundation is an important prerequisite, the ups and downs of ASEAN’s digital journey will be assessed from this starting point.

Regarding ASEAN’s real achievements, the establishment of the ASEAN Community is of special significance. The importance of the ASEAN Economic Community (AEC) as part of the ASEAN Community project hardly stems from the advantages of the AEC itself as much work remains to be done even to make Southeast Asia a single market and a single production base as just one of the components of AEC to 2015, not to say about realizing the more ambitious goals of AEC to 2025. A more important factor is the weakness of other Asia-Pacific multilateral dialogue formats and initiatives, be it APEC, CPTPP or even the ASEAN-led prospective RCEP. As long as their prospects remain unclear, the AEC will remain the only de-facto existing multilateral initiative with relatively clear rules of cooperation.

No less significant ASEAN’s asset is its political-security brainchild with positive economic aftereffects. Having developed the cooperative security system in the Asia-Pacific region – exemplified by the ASEAN Regional Forum, the ASEAN Defence Ministers Meeting Plus Eight and the East Asia Summit, – the Association has strengthened its credentials as a respectful Asia-Pacific actor. This allows the association to maintain a relatively peaceful international milieu in Southeast Asia contributing to its economic and investment competitiveness.

Lastly but perhaps most importantly, the history of ASEAN amply demonstrates how an international actor can benefit from the virtues of the evolutionary regional order by fostering international cooperation premised upon inclusivity and neutrality. The most important competitive advantage of ASEAN is its ability to bring to the Asia-Pacific region the inclusive and neutral mode of cooperation. The latter is an important strategic asset that is behind the present relative insulation of the Asia-Pacific region from the unfolding “global entropy”, which to a considerable extent has been made possible by the ASEAN-led institutions.

While the afore-discussed ASEAN’s advantages are indisputable, its points of its vulnerability are no less serious.

Arguably, the most potentially dangerous threat is ASEAN’s inability to create safety mechanisms against the negative aftereffects of globalization. The flows of capital are hampered by international sanctions, the free movement of people is accompanied by illegal migration, the information flows go hand-in-hand with the spread of fake news. In its turn, ASEAN lacks both institutional mechanisms for collective action and the capacities of its member states to manage these challenges.

With ASEAN's pronounced intention to strengthen its influence on the global development, the global processes demonstrate the same characteristics the association has been trying to eliminate in the Asia-Pacific region since the ASEAN-led cooperative security system was established. In the global realm, long-term and mutually beneficial projects are regularly sacrificed for the sake of short-term minor political profit – suffice it to mention implications of the anti-Russian sanctions for Russia's partners. From the ASEAN perspective, examples of the damage the anti-Russian sanctions inflict on the states of Southeast Asia are numerous⁴⁰. On the whole, the ASEAN leaders disapprove of the present sanction-countersanction vicious circle exemplified mostly by China-US trade contradictions

The association is beset with the simultaneous rise of traditional and non-traditional security challenges in global politics. Their Asia-Pacific aftereffects are exemplified, among other developments, by systemic escalations of North Korea's nuclear and missile issue and the rise of ISIS threat in Southeast Asia. As long as the former is unresolved, for ASEAN the establishment of the Nuclear Weapons Free Zone in Southeast Asia remains a remote possibility. Regarding the latter, the ISIS is expanding its activity from the Middle East to other regions, among which Southeast Asia with its large Muslim population, deep-rooted separatist sentiments and indigenous groups linking separatism and terrorism, is a perfect destination. The Russian top military officials, including the Minister of Defense of the Russian Federation, assess the threat of terrorism in Southeast Asia as both real and growing⁴¹.

In this complicated context, the association aims to increase its influence upon the global development. The globalizing problems of the Southeast Asian territorial domain requires global solutions. At the same time, ASEAN's attempts to explore the potential of intra-ASEAN cooperation, be it ASEAN Free Trade Area (AFTA), ASEAN Investment Area (AIA) and other multilateral initiatives, have reached the maturity level and demonstrated limited efficiency in developing cooperation with ASEAN's extra-regional partners. Among the latter, China's example is worthy of note. After the establishment of the China-ASEAN Free Trade Area (CAFTA) the association encountered a growing trade deficit (strongly magnified by China's mega-strategy the Belt and Road Initiative). Responding to this trend, the association has to incentivize its other extra-regional partners to increase trade and investment exchanges.

Contrary to ASEAN's expectations, however, the response of these partners has come in the form of a politicized project rather than a headlong rush to invest in Southeast Asia. The revitalization of the Indo-Pacific region with a clear anti-Chinese agenda may well marginalize the ASEAN-led venues of multilateral dialogue.

The challenges presented by the afore-discussed developments raise a logical question: to what extent has ASEAN developed the safety mechanisms of its policy which will assist the association in its journey to the "brave digital world"? Stating that the foundation is shaky at best, it is expedient to specify what this emerging reality means for the association.

Asean and the Digital Winds of Change

Outlining the influence of the presently evolving digitalization on ASEAN and its member states, the following points deserve distinguishing.

⁴⁰ Вьетнам отметил негативное влияние санкций на сотрудничество с Россией // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181029/1531726956.html> (date of access: 25.12.2019); Филиппины сочли лицемерием угрозы санкций США за покупку оружия у России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b62d1a59a794740a8df2596> (date of access: 25.12.2019); ВВС Индонезии не исключили отказ от контракта на истребители Су-35 из-за санкций // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3797176> (date of access: 25.12.2019).

⁴¹ Террористы расширяют присутствие в Юго-Восточной Азии – Шойгу // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/2753819.html> (date of access: 20.12.2019).

First, the global economy faces a kind of “productivity paradox”, as the exponential increase in technological development is not accompanied by the commensurate rise of productivity. Technologically advanced solutions, like gaming, interactive advertising, on-line shopping etc., focus on consumption and entertainment rather than production. For the ASEAN states, this scenario leads to a serious crisis of values as it undermines the East Asian work ethics as a pivotal prerequisite for new economic success stories.

Second, the Fourth Industrial Revolution incentivizes the association to seriously revise its formats and initiatives of economic regionalism. The present regulatory frameworks of multilateral trade, be it the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the General Agreement on Trade in Services (GATS) or the Agreement on Trade-related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) were developed before the present digitalization of international trade. Accordingly, these frameworks do not grasp the present essence of digital products and services. This incentivizes the association to perform a double-edged task – to digitally support its multilateral economic initiatives and to upgrade their regulatory formats, both under serious time constraints.

Lastly, an increasingly worrying trend resulting from the on-going digital exchanges is a decrease of internal manageability in the Southeast Asian states. Among the noticeable developments, the so-called eco-chambers are noteworthy. The grass-root citizens subscribe to the media resources, including those that cover politicized issues on religion, ethno-separatism etc., which correspond to their preferences and ignore alternative sources of information⁴². Apart from spreading fake news, this allows politicians to manipulate the public opinion during the election campaigns, as well as to mobilize, should the need arise, large masses of people to anti-government protests. Even more significant aftereffect for ASEAN member states is the rise of terrorist activity in the digital sphere. In the Internet, terrorists may carry out their illegal activities without the risk of imprisonment while crypto-currency and blockchain technologies can be used for financing acts of terrorism. Moreover, in the Internet the dissemination of extremist literature is easy as this can be done quickly and in great numbers.

A relatively new but critically important development is the politicization of the dialogue between ASEAN and its partners, mainly China and the United States, in the digital sphere. As China’s and the US’ mega-strategies the Belt and Road Initiative and the Indo-Pacific region further evolve, their digital components come into conflict ASEAN’s interests.

China’s Digital Silk Road as part of the BRI is premised upon Beijing’s intention to set the standards of digital cooperation from both “hard” and “soft” infrastructure perspective. As China strengthens its positions in the international industrial cooperation, it expands the reach of its ICT solutions. A representative example is the railway that will connect Laos and China includes the ICT-services accounting for 3.67 million dollars⁴³. Of equal, if not greater, importance is the supportive function of China’s digital operating systems for the Chinese companies which expand its activity abroad and, by using the Alibaba Cloud and the data centers in other countries, have very few operating costs. This means that ASEAN’s industrial sector will be naturally slipping into China’s rules of digital game.

The security implications of the Digital Silk Road for ASEAN are also likely to be far-reaching. As Southeast Asia integrates in China’s digital space, the aftereffects will range from the PRC’s possibilities to manipulate information during the elections (for instance, at the electronic voting and the vote-count procedures) to gathering security-related information. If this scenario even partially materializes, the degree of ASEAN’s vulnerability vis-à-vis China may well increase exponentially.

⁴² *Tapsell R.* 2018 Echo Chambers and a Sectarian Public Sphere in Southeast Asia. ASEAN Focus. URL: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocus%20Oct%202018.pdf> (date of access: 27.12.2019).

⁴³ Four companies to provide ICT services for China-Laos railway // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/11/content_27922745.htm (date of access: 28.12.2019).

The US-ASEAN cooperation also includes the digital component. Of note is the US-ASEAN Cyber Dialogue. In the view of the US, ASEAN is a fast-growing market for digital services. The US-ASEAN Business Council estimates that there are 914 million active mobile connections in ASEAN, almost 1.5 times its population⁴⁴. But the cyber-security remains underdeveloped, because of which in November 2019 the first session of the US-ASEAN cyber dialogue was convened⁴⁵. The Indo-Pacific Region as the response to the BRI also has the digital narrative. Of note is the US' Free and Open Indo-Pacific Strategy is supplemented by the Digital Connectivity and Cyber-Security Partnership, launched in July 2018. Specifically, the initiative advocates the improvement of cybersecurity systems, since now the losses from their shortcomings cost the region \$ 300 billion annually. Another problem is the weak development of cyber competencies. DCCP pledges to solve this problem but recognizes that in order to maintain the current growth rates, the region will have to invest \$ 2.3 trillion by 2030 only in telecommunications⁴⁶. Taking into account the politicization of the Indo-Pacific narrative, this means that the Sino-US contradictions are embracing the digital space.

Asean's Pains and Remedies

Considering all the developments outlined above, a timely question is what specific dangers ASEAN is exposed to, as well as what countermeasures it can adopt. Some observations are worthy of note.

Arguably, the association faces real prospects for losing its digital sovereignty (understood as ASEAN's own digital infrastructure and strong digital competences, as well as the ASEAN member states' ability to implement an independent policy in the internet in accordance with the international law), mostly as an aftereffect of the emerging Sino-US contradictions. In fact, the association is again being torn apart by China and the United States, this time along the digital lines, with prospects for digital bipolarity. While China and the US have repeatedly declared their intention to draw a line between their political contradictions and strengthen economic interdependence, including in Southeast Asia, does this priority extend to the digital sphere, and is the Sino-US technological interdependence possible? Or can it – by its definition – be nothing a “weaponized interdependence” at best?

Another potential threat for the association stems from prospects for new imbalances, both between and *within* (emphasis added – the authors) the Southeast Asian states. The Fourth Industrial Revolution entails large-scale social aftereffects, mainly a widening income gap, which will overlap with the deep-rooted social, ethnic and religious problems prevalent in Southeast Asia. If so, ASEAN will be unable to successfully develop regional integration as long as the processes of national integration are unfinished.

ASEAN's vulnerability is reinforced by potentially negative implications for ASEAN-led multilateral dialogue platforms on political-security issues. As China continues to build its own security system in Eurasia portraying itself as the exclusive provider of economic benefits, the ASEAN-driven multilateral venues are likely to slip into irrelevance.

For ASEAN, a core premise in tackling these problems comes from its readiness to perform a double-edged task. The association should increase the manageability of challenges it encountered before the present digital problems appeared and at the same time strengthen its digital capacity-building. Both tasks make ASEAN upgrade its relations with extra-regional partners.

⁴⁴ ASEAN's Digital Economy is Projected to Exceed \$240 Billion by 2025 // US-ASEAN Business Council. URL: <https://www.usasean.org/why-asean/digital-economy> (date of access: 28.12.2019).

⁴⁵ Parameswaran P. What's Behind the New US-ASEAN Cyber Dialogue? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/10/whats-behind-the-new-us-asean-cyber-dialogue/> (date of access: 29.12.2019).

⁴⁶ Advancing digital connectivity in the Indo-Pacific region // USAID. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/USAID_DCCP_Fact_Sheet_080719f.pdf (date of access: 30.12.2019).

But these partners should *simultaneously* (emphasis added – the authors) meet multiple criteria. As the confrontation between the Asia-Pacific big powers is rising, this partner should be willing to preserve the ASEAN-favored neutrality and inclusivity in “driving” the regional multilateral dialogue. As digitalization is a global phenomenon, this partner should be an established global power capable of shaping the global digital agenda. As ASEAN needs digital competences, this partner should respond to these expectations. As the association is scared by the intentions of China and the US to obtain unilateral benefits at the expense of ASEAN, this partner should be free from such intentions.

Reiterating that these criteria should be met fully rather than partially, among ASEAN’s array of external partners there is only one appropriate. This is the Russian Federation, which recently enhanced its relations with ASEAN to the level of Strategic Partnership. To make this relationship really strategic, as its name suggests, ASEAN and Russia should develop future-oriented, long-term and resourceful directions of cooperation. Arguably, the digital sphere offers the parties the best presently available option.

Conclusion

The digital stage of globalization with its political, economic and informational aftereffects is the “new normal” of international affairs while digital infrastructure and competences are the “new must-have” for international actors. For ASEAN striving to increase its global influence, this is especially relevant as it will specify on what terms the association will integrate in the global economy, politics and security.

ASEAN’s response is complicated by numerous factors, as the association has only partially succeeded in making Southeast Asia an investor-attractive economic area. As the international milieu in which the association has to implement its policy becomes increasingly competitive, ASEAN has to act without the previously prepared assets. Actually, the ASEAN-led multilateral formats and initiatives, unable to digitally support ASEAN’s prospective plans, as well as to ensure ASEAN’s extra-regional partners in ASEAN’s indispensability, are likely to present the association with new challenges.

To effectively cope with them, the association will have to revise its present mode of relations with dialogue partners. Among them, the Russian Federation, an established global power with unique digital competences and a long-standing trusted friend of the association, has ample changes to loom all the larger in ASEAN’s present and future order of international priority.

Асеан в политике Вьетнама: между двумя председательствами

ВУ Т. ЧАНГ

**Институт Европейских исследований
Вьетнамской академии общественных наук**

vuthuytrang@yandex.ru

ТЕРСКИХ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ

кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН

mikhail.terskikh@gmail.com

ДИНЬ М. ТУАН

**Институт Европейских исследований
Вьетнамской академии общественных наук**

tuaneu@gmail.com

В главе рассматривается АСЕАН как направление внешней политики Вьетнама в период между председательствами Ханоя в этой организации в 2010 и 2020 годах. Выявлены произошедшие за этот период во внешней среде изменения, повлиявшие на политику Ассоциации (рост соперничества между великими державами, обострение споров в Южно-Китайском море, рост протекционизма, рестрикционизма и национализма, нетрадиционных вызовов безопасности, включая изменения климата и т. д.), а также вклад Вьетнама в формирование ответа АСЕАН на них. Подробно изучены приоритеты Ханоя в период председательства в 2020 году – как декларируемые, так и практические.

На взгляд авторов, из-за обострения конкуренции между великими державами, которое может иметь серьезные последствия для Юго-Восточной Азии, нынешнее председательство Вьетнама становится поворотным моментом в истории АСЕАН. Осознавая существо проблем, с которыми сталкивается Ассоциация, вьетнамское председательство предлагает партнерам

СРВ по АСЕАН и внешним игрокам повестку сотрудничества с отчетливой консолидирующей составляющей.

Новизна исследования проистекает из актуальности рассмотрения вероятных действий Вьетнама в качестве нынешнего председателя АСЕАН, в основе анализ связей между изменениями международной обстановки в Юго-Восточной Азии в период между 2010 и 2020 годами, ответными мерами АСЕАН их вьетнамской составляющей. В соответствии с такой аналитической парадигмой проводится детальная оценка приоритетов и направлений политики СРВ в период председательства в АСЕАН в 2020 году. Выводы по этим вопросам определяют практическую значимость и научную актуальность исследования.

Ключевые слова: Вьетнам, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, АТР, ИТР, Южно-Китайское море, безопасность, сотрудничество.

ASEAN IN VIETNAM'S POLICY: BETWEEN TWO CHAIRMANSIPS

VU T. TRANG

Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences

vuthuytrang@yandex.ru

TERSKIKH MIKHAIL ANDREEVICH

**Ph.D (political science), Institute of World
Economy and International Relations, Russia**

mikhail.terskikh@gmail.com

DINH M. TUAN

Institute for European Studies – Vietnam Academy of Social Sciences

tuaneu@gmail.com

The chapter examines the ASEAN direction in Vietnam's foreign policy between its chairmanships in 2010 and 2020 respectively. The international changes that occurred during this period and influenced on ASEAN's policy (the intensification of rivalry between the great powers, escalation of the South China Sea dispute, the growth of protectionism, restrictionism

and nationalism, non-traditional security challenges including climate change, etc.), as well as its Vietnam's dimension in forming ASEAN's response, are thoroughly scrutinized. The SRV's priorities during its 2020 chairmanship – both declared and practical – are studied in detail.

The authors argue that owing to increased competition between the great powers with potentially disturbing implications for Southeast Asia, the on-going Vietnam's chairmanship becomes a crucial point in ASEAN's history. Grasping the challenges, the association has to deal with, as the present ASEAN chairman Vietnam offers its ASEAN partners, as well the external powers, an agenda of cooperation with a clear consolidating component.

The novelty of the study stems from a cutting-edge research of Vietnam's likely policy directions as the present ASEAN chairman, which is based on an analytical interlink between the changes of the international milieu in Southeast Asia between 2010 and 2020, ASEAN's remedial measures and their Vietnam perspective. In line with this analytical focus, a deep and nuanced assessment of the SRV's priorities and policy directions as the ASEAN's 2020 chairmanship is made. Findings on this set of issues add the practical relevance of the study and make it academically unique.

Keywords: Vietnam, ASEAN, South East Asia, Asia Pacific, Indo-Pacific, South China Sea, security, cooperation.

Introduction

The effective chairmanship in the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is considered by the leadership of the Socialist Republic of Vietnam (SRV) as one of the main foreign policy tasks for 2020. The midterm review of the ASEAN Community Vision 2025 and the 25th anniversary of Vietnam's accession to the Association add urgency to this priority. The reputation aspect also matters – the election of Hanoi to the post of the nonpermanent member of the UN Security Council for 2020-2021 and the SRV's chairmanship in ASEAN are convincing indicators of an increased role of the state on the regional and the global arena. To examine the ASEAN direction of Vietnam's policy between the previous (in 2010) and the on-going SRV's chairmanship in ASEAN becomes a timely and relevant exercise.

The chapter starts from a review of international context in Southeast Asia between 2010 and 2020. Then it turns to examining Vietnam's contribution to ASEAN's policy to cope with the emerging challenges. The priorities of Vietnam's on-going ASEAN chairmanship are considered through the prism of these developments. The conclusion summarizes the main findings of the study.

A Decade of Changes

Between two Vietnam's chairmanships, Southeast Asia has seen profound international changes. In 2010, the region and the world had barely recovered from the global financial crisis. ASEAN's policy demonstrated that in a critical situation, the ten states prefer to act separately rather than collectively⁴⁷. This, in turn, decreased ASEAN's ambitions to solidify its status of the driving force of the Asia-Pacific. From the Vietnam perspective, a task to confirm the validity of the Association's ambitions, as well as to provide ASEAN with a new reputational value, was pressing. On the whole, that task was fulfilled. The main results of Vietnam's chairmanship included the expansion of the East Asia Summit through the accession of Russia and the United States and the launch of the ADMM Plus format.

⁴⁷ Kanaev E. A., Kurilko A. E. Yugo-Vostochnaya Aziya v usloviyah mirovogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa (South East Asia in the context of the global financial and economic crisis – in Russ.) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, No 2. P. 38–46.

Vietnam's 2010 chairmanship saw Washington's involvement in the South China Sea issue, including the Sino-American polemics at the ASEAN Regional Forum⁴⁸. These moves were welcomed by Vietnam and a number of ASEAN states seeking the US' support in opposing the PRC⁴⁹.

Significant progress has been achieved in relations between ASEAN and its extra-regional partners. Specifically, the involvement of non-ASEAN countries in the regional affairs has radically changed – some of them actually started to set the tone for the evolution in Southeast Asia. China launched the Belt and Road Initiative, which aims to provide large-scale financial injections into ASEAN countries focusing on, but not limited to, the development of their infrastructure. Japan responded by the “Partnership for Quality Infrastructure” (hinting at the “poor-quality” Chinese), further politicizing economic cooperation. The US Republican Administration brought a second wind to the Quadrilateral Defense Cooperation (Quad) (USA, Japan, India, Australia) and introduced the “Indo-Pacific” narrative. Simultaneously, Washington created the “Blue Dot Network”, with the focus upon the infrastructure development. Lastly but importantly, extra-regional actors intensified their politics, from both substantial and institutional perspective, in the Mekong River basin.

As for the South China Sea, the assertiveness of Beijing in the maritime area did not weaken. The issue is perceived as one of the most important regional security challenges, while the international pressure on the PRC over it also increased radically.

In the economic sphere, a trend toward protectionism and a wider use of non-market regulatory methods has become widespread in the international politics. This could not but alert ASEAN, because the success of the export-oriented economies of its member states countries crucially depends on the free access to the external markets.

In general, the involvement of non-ASEAN countries in Southeast Asian affairs has increased while the launch of competing mega-projects has become a disturbing development for the Association. The initiatives of the great powers objectively began to “outweigh” ASEAN projects. The aftereffect is a decrease in the importance of ASEAN dialogue platforms, undermining ASEAN's neutrality and central role in the Asia-Pacific multilateral cooperation. Lastly but importantly, understanding the complexity of intra-ASEAN processes, some non-regional players increasingly began to develop cooperation with individual ASEAN member states rather than with ASEAN as an international actor, which further intensified downward trends in the association.

At these complicated crossroads, ASEAN is forced to act very carefully. Though ASEAN was virtually unable to develop an effective approach that could consolidate the interests of great powers, it has not lost the role of a central negotiating platform in the region. In the context of the changes that have taken place over the past decade, this is an achievement in itself. And although the Association was unable to elaborate on instrumental links between its prospective plans and the Belt and Road Initiative, it was able to formulate its Indo-Pacific Vision⁵⁰, which is also notable success.

In the economic sphere, due to the different level of economic development of its member countries, ASEAN could not ensure completely free movement of goods, services and capital in Southeast Asia. At the same time, the establishment of the ASEAN Economic Community has spurred the launch of specific projects to strengthen infrastructure interconnectivity.

These factors suggest that the association has been relatively successful in coping with the decade-long challenges and associated risks which have been steadily rising. At this juncture, the role of chairmanship of a specific country, in terms of both its priorities and possibilities to translate them into reality, comes to the fore.

⁴⁸ Hillary Clinton Changes America's China Policy // Forbes, July 28, 2010. URL: <https://www.forbes.com/2010/07/28/china-beijing-asia-hillary-clinton-opinions-columnists-gordon-g-chang.html#16e70ceb50c7> (date of access: 24.03.2020).

⁴⁹ Vietnam, the US, and Japan in the South China Sea // The Diplomat, November 26, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/11/vietnam-the-us-and-japan-in-the-south-china-sea/> (date of access: 24.03.2020).

⁵⁰ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // Association of Southeast Asian Nations, June 23, 2019. URL: <https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/> (date of access: 24.03.2020).

The Vietnam Perspective

Since 2010, Vietnam has been one of the most active ASEAN member countries in promoting the maintenance of ASEAN's internal solidarity, regional resilience, common values, standards of conduct, as well as strengthening its central role in the Asia-Pacific multilateralism.

Beside the already discussed expansion of the EAS and the launch of ADMM Plus, Hanoi continued to engage non-regional partners in the dialogue in order to keep the Southeast Asian security challenges manageable. For example, Vietnam promoted ASEAN joint maritime drills with China in 2018 and with the United States in 2019. In the same strain, Hanoi is likely to make efforts to conduct similar drills with Russia in the year of its chairmanship⁵¹.

On the South China Sea issue, Vietnam's policy aimed to achieve a consensus within ASEAN, as well as between ASEAN and its extra-regional partners. As a result, in May 2014, the foreign ministers of ASEAN issued a separate Statement on the South China Sea, for the first time since 1992⁵².

The results of Vietnam's involvement in the economic regionalism are dubious. In line with creating a network of free trade agreements with partners around the world, Hanoi, although it has markedly increased the volume of trade with nine partners in the Association, in percentage terms the ASEAN contribution to Vietnam's foreign trade decreased from 18.1% to 11.3%, while the share of the East Asia Summit countries increased from 71.6% to 75% (See Table 1). But as practice demonstrates, for extra-regional states an FTA regime with Vietnam often becomes the first step for launching negotiations between non-regional partners with other ASEAN states and eventually for concluding an FTA with the Association.

Table 1. VIETNAM'S TRADE WITH EAS STATES IN 2009 AND 2019⁵³

⁵¹ Rossiya i ASEAN aktivno prorabatyvayut ideyu sovmestnyh uchenij VMS (Russia and ASEAN are actively working on the idea of joint naval exercises – in Russ.) // RIA Novosti, February 14, 2020. URL: <https://ria.ru/20200214/1564687761.html> (date of access: 21.03.2020).

⁵² ASEAN Foreign Ministers' Statement on the Current Developments in the South China Sea // Association of Southeast Asian Nations, May 10, 2014. URL: <https://www.asean.org/storage/images/documents/24thASEANSummit/ASEAN%20Foreign%20Ministers%20Statement%20on%20the%20current%20developments%20in%20the%20south%20china%20sea.pdf> (date of access: 21.03.2020).

⁵³ The authors' calculations based on the statistics provided by the General Department of Vietnam Customs, URL: <https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/Default.aspx> (date of access: 21.03.2020).

		2009			2019		
		Export, mln USD	Import, mln USD	Trade volume, mln USD	Export, mln USD	Import, mln USD	Trade volume, mln USD
1	<u>Brunei</u>	8	2	10	67	177	244
2	<u>Cambodia</u>	1 147	186	1 333	4 362	901	5 263
3	<u>Indonesia</u>	748	1 546	2 294	3 369	5 703	9 072
4	<u>Laos</u>	169	249	418	701	462	1 163
5	<u>Malaysia</u>	1 682	2 505	4 187	3 789	7 291	11 080
6	<u>Myanmar</u>	34	65	99	721	232	953
7	<u>Philippines</u>	1 462	498	1 960	3 730	1 577	5 307
8	<u>Singapore</u>	2 076	4 248	6 324	3 198	4 091	7 289
9	<u>Thailand</u>	1 266	4 514	5 780	5 272	11 656	16 928
10	<u>Australia</u>	2 277	1 050	3 327	3 495	4 455	7 950
11	<u>China</u>	4 909	16 441	21 350	41 414	75 452	116 866
12	<u>India</u>	420	1 635	2 055	6 674	4 538	11 212
13	<u>Japan</u>	6 292	7 468	13 760	20 412	19 526	39 938
14	<u>Korea</u>	2 065	6 976	9041	19 720	46 935	66 655
15	<u>New Zealand</u>	71	250	321	543	553	1 096
16	<u>Russia</u>	415	1 415	1 830	2 667	1 826	4 493
17	<u>USA</u>	11 356	3 009	14 365	61 347	14 365	75 712
	...						
	TOTAL	54 645	68 898	123 543	259 320	249 136	508 456
	ASEAN	8 592	13 813	22 405	25 209	32 090	57 299
	(share)	(15.7%)	(20%)	(18.1%)	(9.7%)	(12.9%)	(11.3%)
	EAS States	36 397	52 057	88 454	181 481	199 740	381 221
	(share)	(66.6%)	(75.6%)	(71.6%)	(70%)	(80.2%)	(75%)

Increased investment from both ASEAN and EAS members in Vietnam's economy deserves mentioning. While in 2009 the USA (\$9.8 billion), Cayman Islands (\$2.2 billion) and Samoa (\$1.7 billion) were leaders in terms of registered FDI, ten years later the list of major investors looked like this: the Republic of Korea (\$7.9 billion), Hong Kong (\$7.9 billion), Singapore (\$4.5 billion), Japan (\$4.1 billion), China (\$ 4.1 billion)⁵⁴.

In general, Vietnam's contribution to ASEAN is more conspicuous in the political rather than in the economic sphere. Primarily, this is predetermined by objective constraints, mainly in the infrastructure development and the institutional spheres, the ASEAN connectivity narrative is encountering. Also, in the short-term perspective for Vietnam to promote economic cooperation with non-ASEAN partners is likely to be more profitable than within ASEAN. At the same time, the Association will remain the key SRV's foreign policy direction as it finds the strongest resonance with Vietnam's long-term interests.

Assessing Srv's 2020 Priorities

This year, Vietnam intends to significantly increase ASEAN's international stature. The attention is focused on ASEAN internal development issues with an emphasis on the strategic goal – the formation of the three-pillar integrated Community. As the leadership of the country has repeatedly emphasized, Hanoi will continue to build on the achievements of previous chairmanships and implement the tasks set in the “ASEAN Community Vision 2025”⁵⁵.

⁵⁴ Tình hình thu hút đầu tư nước ngoài năm 2019 (Foreign Direct Investments in 2019 – in Viet.) // FIA Vietnam, January 7, 2020, URL: <https://dautunuocngoai.gov.vn/tinbai/6318/Tinh-hinh-thu-hut-dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2019> (date of access: 21.03.2020).

⁵⁵ Keynote speech by PM Nguyen Xuan Phuc at launching ceremony of VN's 2020 ASEAN Chairmanship // Online Newspaper of the Government, January 6, 2020. URL: <http://news.chinhphu.vn/Home/Keynote-speech-by-PM-Nguyen-Xuan-Phuc-at-launching-ceremony-of-VNs-2020-ASEAN-Chairmanship/20201/38445.vgp> (date of access: 21.03.2020).

The slogan of the Chairmanship is “Cohesive and responsive”, which, along with even greater solidarity of ASEAN member countries, also implies an increase of resistance to the regional and global challenges, and the ability to capitalize on the emerging opportunities.

In this context, the Vietnamese Chairmanship identified the following priorities:

1. Increasing the Association’s contribution to maintaining peace, security and stability in the region by strengthening intra-ASEAN solidarity and unity, mutual support, coordination of positions on regional and international issues.

2. Deepening interconnectivity and economic integration – both within the Association and with external partners. Enhancing the ability to adapt to the changes brought about by the Fourth Industrial Revolution.

3. Strengthening the ASEAN identity through the formation of common values, increasing the awareness of the population about ASEAN, promoting the image of the ASEAN Community.

4. Development of the Association’s global ties in the interests of peace, stability and sustainable development. Increasing contribution to the formation of a new regional and global architecture, as well as rules of conduct.

5. Expanding the institutional capacities and effectiveness of ASEAN through appropriate reforms, improvement of existing and creation of new standards⁵⁶.

Considering the present-day international milieu in Southeast Asia and beyond, Vietnam is not interested in increasing tensions in the South China Sea, which means it is unlikely to initiate any new anti-Chinese step (which, however, does not mean that Hanoi will not respond to possible provocations of Beijing). An ideal option for Hanoi is to maintain the balance achieved earlier, to avoid new contradictions, and to complete the second reading of the draft Code of Conduct. In a similar vein, the Vietnamese presidency will apparently adhere to a cautious approach to other regional issues, in particular the Rohingya problem in Myanmar.

In the context of the promotion of diverse Indo-Pacific strategies by non-regional countries, as well as the actual consolidation of “Indo-Pacific” terms in the regional political vocabulary, it is unlikely that the Vietnamese chairmanship will be free from these geographical neologisms. Consequently, Hanoi will probably continue to promote the ASEAN’s “Indo-Pacific Outlook”. This allows the association, on the one hand, not to go against the present-day political mainstream, and on the other, to defend its own agenda.

Importantly, from the multilateral perspective Hanoi has ample chances to repeat its ten-year old success story. This can be achieved both by inviting new non-regional partners into ASEAN-led discussions in various statuses, and by intensifying contacts with ASEAN’s existing dialogue partners.

Vietnam also plans to make the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) one of the main achievements of its chairmanship – with or without India. This was repeatedly stated by the leadership of the Ministry of Industry and Trade responsible for this project, emphasizing that it would do everything possible to sign the document in 2020⁵⁷.

Finally, Vietnam will increase ASEAN’s capacity to grasp the demands of the “Fourth Industrial Revolution”. Specifically, the emphasis will be placed on introducing the smart cities technologies and bridging the gaps between the digital development of ASEAN member states. Problems like the aftereffects of climate change, the salinization of soils in the Mekong Delta, plastic garbage, etc., will also be reflected.

⁵⁶ ASEAN Chairmanship 2020: For a cohesive and responsive ASEAN // Viet Nam News, January 13, 2020. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/571038/asean-chairmanship-2020-for-a-cohesive-and-responsive-asean.html> (date of access: 24.03.2020).

⁵⁷ RCEP – important milestone in Vietnam’s international economic integration process // Ministry of Industry and Trade, 08.11.2019. URL: <https://moit.gov.vn/web/web-portal-ministry-of-industry-and-trade/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/rcep-important-milestone-in-vietnam-s-international-economic-integration-process-16986-1311.html> (date of access: 21.03.2020).

In general, Hanoi will focus on decreasing the seriousness of challenges the Association is currently encountering. Among them, the most important are the remaining lack of ASEAN unity and prospects for rivalry in the regional and global international milieu. At the same time, Vietnam expects to receive serious reputation benefits, both through demonstrating its increased influence, and through finalizing ASEAN's long-standing mega-projects, first and foremost, the RCEP.

Conclusion

Over the past decade, the regional and the global milieu have seen an increased competition between the great powers with troublesome aftereffects on Southeast Asia. This incentivizes the Association and Vietnam as its present chairman, to implement a smart and nuanced policy in order to balance interests of all the parties on the regional chessboard.

For Vietnam, ASEAN is and will possibly remain the key foreign policy direction as the association plays an indispensable role in promoting Vietnam's interests from the substantial, institutional and reputational perspective. If so, Hanoi will make every effort to strengthen ASEAN solidarity and central role in the Asia-Pacific multilateralism.

So far, Vietnam has chaired ASEAN three times, and each chairmanship fell to the critical period for the history of the association. The 1998 chairmanship was amid ASEAN's policy to cope with the aftereffects of the Asian financial and economic crisis, while the 2010 and 2020 chairmanships marked ASEAN's attempts to keep the South China Sea issue and the outbreak of COVID-19 pandemics in a manageable state. Among other tasks, for the association it presupposed strengthening ASEAN's internal unity and ASEAN's positions in the Asia-Pacific multilateral dialogue platforms. The extent of Hanoi's ability to deal with these tasks during its present chairmanship will largely shape the future evolution of the association.

Вьетнам между США и Китаем⁵⁸

МОСЯКОВ ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

**доктор исторических наук, профессор, руководитель
центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и
Океании Федерального государственного бюджетного
учреждения науки «Институт востоковедения РАН»**

mosyakov.d@gmail.com

ШПАКОВСКАЯ МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

**доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
теории и истории международных отношений Федерального
государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет дружбы народов»**

m.shpakovskaya@gmail.com

Данная статья посвящена анализу проблем выбора пути политического развития и геополитической ориентации стран Юго-Восточной Азии в условиях глобальной трансформации международных отношений. Этот вопрос выбора стоит сегодня перед странами региона в целом и отдельными государствами в частности.

В этом отношении, современный Вьетнам, учитывая его выгодное геополитическое положение, поступательное экономическое развитие, наличие одной из сильнейших армий в Азии, занимающий прочные позиции среди стран АСЕАН и в регионе в целом, оказался в поле столкновения интересов США и Китая. В этом отношении борьба за влияние во Вьетнаме может иметь судьбоносный характер для расстановки сил в регионе в целом.

Свое влияние США наращивают сразу по нескольким направлениям, в том числе это и работа с молодежью (прежде всего программы в области высшего образования), попытки проникновения во все сферы общественной жизни, в первую очередь политической. Одновременно и Китай поддерживает тесные связи между компартиями двух стран, активно наращивая экономическое сотрудничество. Особенно активно торговля ведется в приграничных районах, реализуя тем самым инициативу «Два экономических коридора – один пояс», принятую еще в 2004 г. Авторы отмечают, что развитие отношений с Россией во всех областях приобретает

⁵⁸ Статья написана в рамках гранта РФФИ 20-514-92001 ВАОН – по теме «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

особо важное значение, главным образом, за счет развития доверия и партнерства, которые исторически сложились между двумя странами.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, АТР, АСЕАН, Вьетнам, Китай, США, Россия, интеграционные проекты АТР, восточный Индокитай.

VIETNAM BETWEEN THE USA AND CHINA

This article analyses the problems of choosing a way of political development and of geopolitical orientation of the countries of Southeast Asia in the context of the global transformation of international relations. Today the question of choice is relevant for the region and for the countries in particular.

Modern Vietnam has found itself in the field of conflict of interests of the United States and China. The reason is the geopolitical position, a sustained economic development, one of the strongest armies of Asia, a strong position among ASEAN countries and in the region. The struggle for influence in Vietnam can be crucial for the strategic equation in the region.

The United States is building up influence in several areas at once, including work with young people (primarily higher education programs), attempts to penetrate all spheres of public life, primarily political one. At the same time China maintains close ties between the communist parties of both countries, actively building up economic cooperation. Trade is very active especially in the border areas, implementing the initiative “Two economic corridors – one belt”, adopted in 2004. In such conditions, the article draws attention to the fact that the development of relations with Russia in all areas is very important, based on relations of mutual trust and partnership that have historically developed between the two countries.

Keywords: Vietnam, China, USA, Russia, Asia-Pacific integration projects, Indo-Pacific region, ASEAN.

Введение

В условиях глобальной трансформации, которая происходит сегодня на пространстве тихоокеанской и индо-тихоокеанской Азии, перед многими странами этого огромного региона остро стоит проблема выбора пути их политического развития и геополитической ориентации. Особенно остро этот вопрос стоит сегодня перед странами Юго-Восточной Азии, которые находятся как бы на распутье – ориентироваться больше на Китай в рамках азиатско-тихоокеанских интеграционных проектов или же активно участвовать в проекте Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) вместе с американцами. Это сложный вопрос, который стоит сегодня и перед странами региона в целом и отдельными государствами в частности. Никто не хочет однозначно делать этот выбор и переходить на ту или иную сторону, все стараются выждать и посмотреть, как дальше будет развиваться соперничество двух сверхдержав [Колдунова, 2019. С. 42].

Именно такую политику мы можем наблюдать в сегодняшнем Вьетнаме, который рассматривается обеими конфликтующими сторонами как особо ценный и важный потенциальный союзник и фактически превратился в поле столкновения интересов США и Китая.

Методология

Данное исследование базируется на тщательном анализе как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических процессов, происходящих во Вьетнаме. В ходе исследования в рамках исторического подхода были применены методы описания происходящих явлений, их сопоставления и последующего анализа.

Теоретической основой данного исследования послужили работы европейских, американских и российских историков и политологов, специалистов по международным отношениям, среди которых особое место занимают труды А. Торкунова, М. Капицы, Я. Стори, С. Хантингтона, З. Бжезинского, М. Армакоста.

В данной работе ключевое понятие баланса интересов рассматривается как знаковый символ политического противостояния двух сверхдержав вокруг Вьетнама, как определенная сложная многоуровневая система, имеющая постоянную угрозу к саморазрушению. При этом анализ баланса интересов проводится в рамках как внешнеполитической парадигмы, так и ключевых внутривнутриполитических событий, влияющих и во многом определяющих весь комплекс отношений в треугольнике США–Китай–Вьетнам.

Основные результаты

Причин того, что именно Вьетнам оказался в центре противостояния двух великих держав, немало: это и географическое расположение страны в южном подбрюшье Китая, и значительная численность населения, и несомненные экономические успехи, и, наконец, наличие одной из сильнейших в Азии армий. Кроме того, Вьетнам крайне влиятелен и в АСЕАН и в Восточном Индокитае, где он традиционно тесно связан и с Камбоджей, и с Лаосом. Определенный вьетнамский выбор может самым серьезным образом повлиять на всю международную архитектуру в ЮВА и поэтому борьба за симпатии вьетнамского руководства носит в полном смысле тотальный характер. Суть этого заключается в том, что она разворачивается не только применительно к внешнеполитическому курсу Вьетнама и выбору им основного внешнеполитического партнера, но еще и внутри страны, где и США и Китай рассчитывают заручиться поддержкой определенных социальных групп, симпатизирующих им и способных оказывать давление на власть в ту или иную сторону. Так, например, многочисленная вьетнамская интеллигенция отдает в целом свои симпатии США, с которыми связывает идеи глубоких политических перемен – гражданских свобод, демократии, возможности создавать новые политические партии и проводить демократические выборы. В то же время очевидно, что значительная часть правящей вьетнамской элиты в рядах Компартии и особенно на провинциальном уровне относится к этим устремлениям интеллигенции с большим недоверием и в целом поддерживает выбор в пользу Китая. Эти люди уверены, что американцы были и будут врагами Вьетнама. В своей политике США, привлекая на свою сторону Вьетнам, стремятся реализовать собственные цели, которые во многом не совпадают с национальными вьетнамскими. Они указывают, что, несмотря на существующие противоречия в отношениях с Китаем относительно принадлежности островов Парасельских и Спратли и границ в Южно-Китайском море, Китай остается главным другом Вьетнама и что не надо забывать, что именно Пекин оказал огромную помощь Вьетнаму в войне за независимость против французских колонизаторов и в отражении агрессии США в 1960–1970-е годы.

Следует отметить, что за последнее время борьба за вьетнамский выбор приобрела особую интенсивность. За один только 2018 год в эту страну дважды приезжал тогдашний министр обороны США Джеймс Мэттис. В Ханое этот американский политик сделал довольно своеобразное заявление о том, что Вьетнам является для Америки «страной-единомышленником», то есть признал его демократическим государством примерно на том же уровне, что и Индия, Австралия и Япония, которые тоже называются «странами-единомышленниками». Госсекретарь США М. Помпео находился с визитом в Ханое в феврале 2019 года, где он встретился с министром иностранных дел Вьетнама, вице-премьером страны Фам Бинь Минем. Во время этой встречи М. Помпео отметил, что США вместе с Вьетнамом ведут «совместные усилия

по продвижению мира, безопасности и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе»⁵⁹. Если вспомнить визит Дж. Мэттиса в ноябре 2018 г., то нельзя не отметить легкость, с которой американцы переквалифицировали Вьетнам из коммунистического и тоталитарного государства в страну-единомышленника. Визит Дж. Мэттиса проходил в рамках продвижения положений стратегий международной безопасности и международной обороны администрации Дональда Трампа, в которых Вьетнаму уделяется важное место в сети оборонного сотрудничества в регионе [Локшин, 2019. С. 58]. Во время своего визита, Дж. Мэттис проводил переговоры с вьетнамским руководством по вопросам укрепления двустороннего сотрудничества в области обороны, расширения обмена в военно-морских силах, направленных на укрепление своих позиций в регионе, что является одним из важнейших направлений политики США в этом регионе⁶⁰. В июне 2019 года Пентагоном был опубликован стратегический доклад «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети», который можно рассматривать как часть общей военно-политической стратегии США на ближайшее будущее. В этом докладе Пентагона Индо-Тихоокеанский регион отнесен к приоритетному театру обороны США, а Соединенные Штаты объявляются «тихоокеанской нацией», «связанной с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону через неразрывные узы общей истории, культуры, торговли и ценностей». Для достижения безопасности, сдерживания и победы в Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтону требуется военно-политическое объединение под руководством США с набором союзников и партнеров⁶¹.

Вот что означает политическая целесообразность, когда страна, где власть мало чем отличается от соседнего Китая, записывается чуть ли не в защитника демократии. Что еще более любопытно, так это то, что в США практически никто не возразил шефу Пентагона. В такой позиции американских верхов и их взглядов на ситуацию в ЮВА то ли здесь больше самообмана, то ли в Вашингтоне уже готовятся к тому, что демократизация во Вьетнаме усилиями сотен неправительственных структур, связанных с США, проникших буквально во все сферы общественной жизни, продвигается настолько позитивно, что дрейф Вьетнама в правильном с точки зрения американцев направлении неизбежен.

По официальным данным, 30 тыс. вьетнамцев проходят обучение в Соединенных Штатах. Новый вьетнамский университет имени Фулбрайта, который осенью 2017 года принял первую когорту студентов, позволяет вьетнамцам получить уже внутри Вьетнама независимое образование мирового уровня. Более 21 тыс. граждан СРВ являются участниками инициативы «молодые лидеры Юго-Восточной Азии» [Соколов, 2017. С. 219–220]⁶². Соединенные Штаты и Вьетнам подписали соглашение о создании Корпуса Мира в 2016 году. Все это очень важные точки американского влияния, рассчитанного на будущее. Но уже сегодня есть определенные основания для предположений о будущем вьетнамском выборе – в качестве примера можно привести тот факт, что Вьетнам был одним из первых в регионе, кто выразил готовность войти в число «стран-основателей» Транстихоокеанского партнерства, в котором США должны были играть ключевую роль⁶³.

⁵⁹ Помпео встретился с главой МИД Вьетнама в преддверии саммита СШАКНДР в Ханое. Режим доступа: URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/> (дата обращения: 03.03.2019).

⁶⁰ Иносни. Россия сегодня. Режим доступа: URL: <https://inosmi.ru/politic/20181101/243658607.html> (дата обращения: 25.03.2019).

⁶¹ Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: доклад Пентагона. Режим доступа: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-doklad-pentagona> (дата обращения: 21.09.2019).

⁶² Вьетнам занимает 6-е место в мировом рейтинге более чем с 21 000 студентов, поступивших в американские колледжи и университеты в прошлом году // Вьетнам сегодня. Режим доступа: URL: <https://asia-vietnam.ru/news-category/vietnam-lidiruet-v-yugo-vostochnoy-azii-po-chislu-studentov-v-ssha/> (дата обращения: 21.10.2019).

⁶³ Вьетнам и многое другое. Форумы Няг-Нам.ру. Режим доступа: URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?t=1745> (дата обращения: 10.09.2019).

В то же время очевидно, что Вьетнам будет стремиться всеми силами оттягивать неизбежный выбор, стремясь максимально получать и от США, и от Китая. Идет очень сложная игра, направленная на то, чтобы всячески сбалансировать вьетнамскую политику, причем не только вовне, но и внутри, чтобы продолжать сохранять дружеские контакты как с Вашингтоном, так и с Пекином. В этой связи представляется, что в Вашингтоне сегодня явно переоценивают готовность Вьетнама к более тесному сотрудничеству с США. В этом смысле показателем примером событий, которые произошли уже после визита Дж. Мэттиса во Вьетнам в 2018 г. Следует отметить, что с вьетнамской стороны по итогам визита никаких заявлений о «крепком оборонном сотрудничестве» и об «общих интересах в Южно-Китайском море», о чем говорил Мэттис сделано не было.

Более того, после переговоров с американским министром обороны вьетнамский военный министр, генерал Нго Суан Лить отправился с визитом дружбы и сотрудничества в КНР, где на Сяншанском форуме по вопросам безопасности заявил, что «страны АСЕАН расширяют всеобъемлющее сотрудничество с Китаем во имя мира стабильности, дружбы и процветания [Мосяков, 2019. С. 191].

Так что надежды американских политиков на то, что вьетнамцы могут вот-вот встать в один ряд с американцами против Китая, объективной реальности не соответствуют. Скорее будет другое: если вьетнамцы и будут принимать участие в проекте ИТР, то присоединятся они к нему не отдельно, а примкнут к общей позиции стран АСЕАН. А эти страны, как известно, после довольно долгих колебаний заявили, что готовы войти и участвовать в ИТР, но только на своих собственных условиях.

Этот вывод становится еще более весомым, если проанализировать некоторые аспекты китайско-вьетнамских отношений. В этом случае мы увидим, что начиная с 2004 года Пекин, обогнав Японию, прочно удерживает позиции крупнейшего торгового партнера Ханоя. За менее чем четверть века взаимный товарооборот увеличился в несколько тысяч раз – с 38 млн. долл. США в 1991 году до 66,6 млрд. долл. в 2015 году.⁶⁴ В этот период определенных качественных изменений претерпела номенклатура вьетнамского экспорта (17,1 млрд. долл. в 2015 году) – первую строчку удерживает электроника и вычислительная техника, однако в общем объеме по-прежнему доминирует сельхозпродукция и сырье – пряжа, овощи и фрукты, маниока, рис, сырая нефть и т. д. Основу китайского импорта (49,5 млрд. долл. в 2015 год) составляют преимущественно товары с высокой добавленной стоимостью – станки и оборудование, телефоны и электроника, металлопрокат, нефтепродукты. Координация двусторонней кооперации в данной сфере находится в ведении Вьетнамо-Китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Необходимо отметить, что Китай активно развивает торговые отношения с другими странами АСЕАН, активно создавая логистические и инфраструктурные потоки, вовлекая в инновационные проекты, привлекая торгово-инвестиционный капитал, создавая тем самым зависимость в сфере международной политики [Мосяков, Шпаковская, 2018. С. 7].

Наиболее интенсивно развивается кооперация Вьетнама с прилегающими регионами Китая – провинцией Юньнань и Гуанси-Чжуанским автономным районом. Последовательно реализуется утвержденная руководством двух стран еще в 2004 г. инициатива «Два экономических коридора – один пояс», нацеленная на расширение сотрудничества соседних областей, улучшение торгово-экономических отношений между двумя государствами в целом. Первый коридор – север–юг из центра провинции Юньнань города Куньмина через вьетнамскую провинцию с центром в Лаокае к Ханюю и Хайфону и к провинции Куангбинь; второй – китайский г. Наньнин (Гуанси-Чжуанский АР), Лангшон, Ханой, Хайфон. «Тонкинский экономический

⁶⁴ HAY QUAN VIET NAM. Сайт Главного таможенного управления СРВ. Режим доступа: URL: <https://www.customs.gov.vn/default.aspx> (дата обращения: 03.12.2019).

пояс» включает в себя 14 северовьетнамских провинций и три китайские административные единицы (Гуанси-Чжуанский АР, провинция Гуандун, островная провинция Хайнань)⁶⁵.

Эта конкретная программа по интеграции приграничных районов предусматривает также меры по совершенствованию и увязке в единую сеть приграничной инфраструктуры, упрощение таможенных формальностей и процедур, активизацию контактов между предпринимателями путем проведения различных выставок, ярмарок и презентаций. При этом параллельно реализуется еще одна программа сотрудничества, которая в китайской прессе называется как концепция «одна ось, два крыла» (под «осью» подразумевается Гуанси-Чжуанский АР, «два крыла» – субрегион Большого Меконга и пояс вдоль Тонкинского залива), предполагающая интеграцию с рынками Юго-Восточной Азии южных провинций КНР, прежде всего в контексте работы зоны свободной торговли Китай–АСЕАН [Терских, Нархова, 2016. С. 126].

В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на высокие показатели, вьетнамо-китайское взаимодействие в торгово-экономической сфере характеризуется значительным дисбалансом в пользу КНР, который из года в год только увеличивается (отрицательное сальдо в торговле с Пекином в период с 2002 по 2015 г. выросло в 20 раз и достигло 32,4 млрд. долл.). Вьетнамские эксперты отмечают растущую зависимость от торговли с КНР, доля которой во внешнеторговом обороте СРВ составляет почти 20%, в то время как у Пекина аналогичный показатель менее 1,5%. Китайские товары составляют около 30% от общего объема продукции, поставляемой на вьетнамский рынок, при этом их доля ежегодно растет – так, в 2010 г. она составляла менее 24% [Терских, Нархова, 2016. С. 128].

Другой серьезной проблемой является ограниченность географии вьетнамского экспорта, сконцентрированного преимущественно на южнокитайских районах. Существенный фактор, препятствующий, по мнению аналитиков, гармоничному развитию кооперации, – нестыковка инвестиционных и технологических интересов КНР с планами по модернизации экономики СРВ. Пекин нацелен прежде всего на подключение к разработке на территории Вьетнама месторождений полезных ископаемых с последующим вывозом сырья на переработку. Ханой, в свою очередь, такой подход не приветствует. Кроме того, власти СРВ уже не раз сталкивались с попытками китайцев перевести в страну экологически грязные и технологически устаревшие производственные мощности.

В этом отношении экономические связи с США существенно меньше по объему, чем с Китаем, но они намного более выгодны Ханюю. Так, например, двусторонняя торговля между США и Вьетнамом выросла с 451 млн. долл. в 1995 году до почти 52 млрд. долл. в 2016 году. В 2016 году Вьетнам был самым быстрорастущим экспортным рынком Америки. Экспорт США во Вьетнам вырос на 77% в период 2014–2016 годов. Экспорт США во Вьетнам в 2016 году составил более 10 млрд. долл., а импорт США в 2016 году – 42 млрд. долл.⁶⁶ Таким образом, положительное сальдо Вьетнама в торговле с США составляло в 2016 году 32 млрд. долл. С Китаем же ситуация обратная. Так, например, в 2015 г. общий объем экспорта-импорта из Китая во Вьетнам достиг почти 96 млрд. долл. США. Причем экспорт из Китая во Вьетнам составлял чуть больше 66 млрд. долл., а импорт из Вьетнама – 29,7 млрд.⁶⁷ Таким образом, дефицит Вьетнама в торговле с Китаем составлял почти 35 млрд. долл. За прошедшие с тех пор годы тенденции кардинально не поменялись. Проблема здесь еще и в том, что вьетнамский экспорт в США во многом зависит от поставок сырья и комплектующих из Китая.

⁶⁵ Финансовый обзор: торгово-экономическое сотрудничество Китая и Вьетнама углубляется. Режим доступа: URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959293.htm (дата обращения: 02.11.2019).

⁶⁶ U.S. Relations with Vietnam. Bilateral Relations Fact Sheet. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-vietnam/> (дата обращения: 31.01.2020).

⁶⁷ Вьетнам – крупнейший торговый партнер Китая в АСЕАН. URL: [https:// vietnam.vnanet.vn/russian](https://vietnam.vnanet.vn/russian) (дата обращения: 09.10.2019).

Основные результаты исследования

Как мы видим, перед современным Вьетнамом стоит сложнейшая проблема выбора в ситуации, когда любые решения могут только навредить сложившейся реальности. В этой связи особое значение приобретают отношения с Россией. После развала СССР и распада биполярной системы международных отношений, когда под термином «союзник» понимался, как правило, участник военно-политического союза, соглашения, заключенные на уровне «стратегического партнерства» между Вьетнамом и Россией в 2013 г. в различных областях международного взаимодействия, ориентировались в основном на выстраивание отношений на базе взаимовыгодного сближения и поддержки в определенных сферах сотрудничества. Также в подписанных документах отмечалась возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в глобальных делах, а также необходимость углубления регионального сотрудничества в интересах обеспечения прочного мира, стабильности и устойчивого развития в АТР [Шпаковская, Нгуен, Куклин, 2019. С. 179].

Если взглянуть на общий товарооборот двух стран – то этот показатель на уровне 6 млрд. ни в коей мере не может соперничать с торговлей с США или с Китаем. Однако в сфере безопасности, такой важной и чувствительной сфере сотрудничества для Вьетнама, Россия может выступить как партнер и в деле перевооружения вьетнамской армии, и в плане решения проблем международной безопасности. Этому способствуют в первую очередь отношения доверия и партнерства, которые сложились между двумя странами. Сотрудничество с Россией выступает для Вьетнама не в качестве альтернативы кому-то, а как важное подспорье в сохранении стабильности и суверенности и свободы в принятии решений в Ханое.

Список литературы

Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019, Т. 12, № 1. С. 26–43.

Колдунова Е. В. Юго-Восточная Азия перед вызовами индо-тихоокеанских концепций // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2019. Т. I. № 2 (43). С. 42–53.

Локшин Г. М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2019. Т. I. № 2 (43). С. 55–73.

Мосяков Д. В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и России / *Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН.* М., 2019. 390 с.

Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2018. Т. II. № 3 (40). С. 6–11.

Понька Т. И., Бельченко А. С., Трусова А. А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2017. Вып. 17. № 3. С. 518–529.

Соколов А. А. Высшее образование Вьетнама: формы интернационализации // *Вьетнамские исследования.* 2017. Вып. 1. С. 212–224.

Терских М. А., Нархова Е. И. О вьетнамо-китайских торгово-экономических связях // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* Выпуск XXX (№ 30, 2016). С. 125–133.

Шпаковская М. А., Нгуен Т. Н. З., Куклин Н. С. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: основа, содержание и принципы // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2019. Т. I. № 2 (43). С. 173–181.

Шпаковская М. А., Курылев К. П., Куклин Н. С. Россия, Вьетнам и контуры «Большого Евразийского Партнерства» // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41). С. 136–145. (на рус. яз.)

Schneier E. Structured Strategic Partnership Handbook. Lulu publishing. 2018. P. 41. 179. (на англ. яз.)

ĐINH CÔNG TUẤN. Quan hệ đối tác chiến lược trong quan hệ quốc tế hiện nay: lý thuyết, thực tiễn thế giới và Việt Nam [Стратегическое партнерство в текущих международных отношениях: теория, практика в мире и во Вьетнаме]. Режим доступа: URL: <http://www.vjol.info/index.php/ncca/article/view/19037>. (на вьет. яз.)

Чан В. Т. Xu hướng mới đối tác thay cho liên minh quân sự [Новая тенденция: стратегическое партнерство вместо военного союза]. Режим доступа: URL: <http://thanhvien.vn/thoi-su/quoc-phong/xu-huong-moi-doi-tac-chien-luoc-thay-cho-lien-minh-quan-su-461915.html>. (на вьет. яз.)

References

Kanaev E. A., Korolev A. Bol'shaja Evrazija, Indo-Tihookeanskij region i otnoshenija Rossii s ASEAN // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo 2019, T. 12, No 1. S. 26–43. (in Russ.)

Koldunova E. V. Jugo-Vostochnaja Azija pred vyzovami indo-tihookeanskih koncepcij // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 42–53. (in Russ.)

Lokshin G. M. Strategicheskoe sopernichestvo Kitaja s SShA v Juzhno-Kitajskom more // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 55–73. (in Russ.)

Mosyakov D. V. (2019) Global'naja transformacija Tihookeanskoj Azii i Rossii/ Institut stran Vostoka, Institut vostokovedenija RAN. M., 2019. 390 s. (in Russ.)

Mosyakov D. V., Shpakovskaja M. A. Kitaj pereigrivaet SShA v otnoshenijah s ASEAN// Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom II, No 3 (40), 2018. S. 6–11. (in Russ.)

Pon'ka T. I., Bel'chenko A. S., Trusova A. A. Dvuhvektornyj podhod KNR k razresheniju territorial'nyh sporov v Juzhno-Kitajskom more // Vestnik RUDN. Serija Mezhdunarodnye otnoshenija. 2017 Vol. 17. No. 3. S. 518–529. (in Russ.)

Sokolov A. A. Vysshee obrazovanie V'etnama: formy integracii // V'etnamskie issledovanija. 2017. Vypusk 1. S. 212–224. (in Russ.)

Terskih M. A., Narhova E. I. O v'etnamo-kitajskih torgovo-jekonomicheskich svjazjah // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Vypusk XHH (No 30, 2016). S. 125–133. (in Russ.)

Shpakovskaja M. A., Nguen T. N. Z., Kuklin N. S. Vseobemljushhee strategicheskoe partnerstvo Socialisticheskoj Respubliki V'etnam i Rossijskoj Federacii: osnova, sodержanie i principy // Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija. Tom I, No 2 (43), 2019. S. 173–181. (in Russ.)

Shpakovskaja M. A., Kurylev K. P., Kuklin N. S. Rossiya, V'etnam i kontury «Bol'shogo Evrazijskogo Partnerstva» // JuVA: aktual'nye problemy razvitija. 2018. No 4 (41). S. 136–145. (in Russ.)

Schneier E. Structured Strategic Partnership Handbook. Lulu publishing. 2018. P. 41. 179 (in English)

Chan V. T. Xu hướng mới đối tác thay cho liên minh quân sự (Novaja tendencija: strategicheskoe partnerstvo vmesto voennogo sojuza). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://thanhvien.vn/thoi-su/quoc-phong/xu-huong-moi-doi-tac-chien-luoc-thay-cho-lien-minh-quan-su-461915.html>. (in Vietnam.)

Contemporary Sino-Myanmar Relations: Dilemma of Letpadaung Taung Copper Mine Project

WAI YAN PHYO NAING

**Ph.D. (Candidate), Doctoral School of History, Faculty of Humanities,
National Research University – Higher School of Economics**

ywai@hse.ru

Since Myanmar was opened to the world in 2011 local and international environmental activists tried to criticize the Chinese megaprojects in Myanmar. Letpadaung Taung Copper Mine Project is one of the huge Beijing investments in the Myanmar Military government era. The lack of corporate social and environmental responsibility on behalf of the Myanmar Wanbao Company created an intolerable situation for the residents. The only *Letpadaung* project became a center of international dispute and a dilemma of Sino-Myanmar relations similar to Chinese mega-projects in Myanmar. It happened because the late Myanmar Military government finalized all significant Chinese investments' agreements before they transferred country power to the civilian administration in the mid of 2010.

This condition has led to a nation-wide movement after local intermediary administrators used Phosphorus bombs to destroy the activists' camp near the project area in November 2012. President Thein Sein founded the "Letpadaung Taung Investigation Commission" and requested Myanmar's democracy icon and opposition leader Aung Sann Su Kyi to lead the commission. However, Aung Sann Su Kyi did not receive a warm welcome from the local people and even faced aggressive sentiment on her field trip.

Beijing became concerned with its major construction projects in Myanmar since Myanmar-Sino relations rapidly degraded after the suspension of the Myitsone Dam in late 2011. This article investigates the factors of rising anti-Chinese persuasion in Myanmar and describes the problems connecting with the Letpadaung Taung Copper Mine Project.

Keyword: Letpadaung Taung Copper Mine, Chinese Investments, Wanbao, Sino-Myanmar relations.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП КИТАЙСКО-МЬЯНМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ДИЛЕММА МЕДНОГО ПРОЕКТА ЛЕТПАДАУНГ ТАУНГ

ВЕЙ ЯН ПЬЁ НАЙНГ

**аспирант, докторская школа истории, гуманитарный
факультет, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»**

ywai@hse.ru

В данной статье проанализированы факторы роста антикитайских настроений в Мьянме, связанные с медным рудником Летпадаунг Таунг.

С тех пор как Мьянма открылась для внешнего мира в 2011 г., местные и зарубежные активисты в сфере экологии неоднократно пытались критиковать китайские добывающие проекты на территории этой страны.

Медный проект Летпадаунг Таунг – одна из самых значительных инвестиций Пекина в эпоху военного правительства Мьянмы. Отсутствие корпоративной социальной и экологической ответственности со стороны компании *Myanmar Wanbao Company* создало невыносимые условия для жителей окружающих территорий.

В результате этого между местной администрацией и активистами «зеленого» движения возник серьезный конфликт. В ноябре 2012 г. разногласия между административным корпусом и населением переросли в вооруженные столкновения, в ходе которых для уничтожения протестующих были применены фосфорные бомбы. В ответ на это президент Тейн Сейн основал «Комиссию по расследованию инцидента на Летпадаунг Таунг» и обратился к представителю демократического движения Мьянмы и лидеру оппозиции Аун Сан Су Чжи с просьбой возглавить ее. Однако Аун Сан Су Чжи не получила поддержки от местных жителей и даже столкнулась с агрессивными настроениями во время поездки в пострадавшие районы.

Ключевые слова: медный рудник Летпадаунг Таунг, китайские инвестиции, Ваньбао, синомьянманские отношения.

Introduction

In March 2011, Myanmar started its new chapter by shifting from authoritarian to democratic state. Myanmar people received opportunities to express their opinion on government projects, especially for joint investments with Chinese companies. After President Thein Sein suspended Myitsone Dam General Project by listening to his fellow citizens' demand, another one, Letpadaung Copper Mine project emerged as the next step of the anti-Chinese investments in that time. On the other hand, there were invisible thorns in the two countries' asymmetric economic relations such as Myitsone Dam project, Kyaut Phyu Deep Sea port project. Therefore, the dilemmas of the Sino-Myanmar relations became acquired tense and even confrontational character.

Looking from a global perspective, China is an influential neighboring country for Myanmar. Myanmar could not neglect Beijing's role in the world and its policies on East Asia and the Southeast

Asian region. Therefore, this article stands out from the existing body that advocated the literatures pushing of Myanmar to forge close ties with Western World and the US more than China.

Methodology

Previous studies have reported the locals' opinions on Chinese megaprojects after Myanmar democracy transition is opened by Lauren Decicca⁶⁸. However, he did not pay attention to the daily life of locals after the project's commencement [Lauren Decicca, 2015]. Atsuko Mizumo focuses on details of *Letpadaung Copper Mine Project* connecting with Myanmar's China policy⁶⁹. Although he has researched Chinese Mine investments in Myanmar and their development, it is still necessary to do in-depth research on the Chinese interests in their project [Atsuko Mizumo, 2016].

These critical situations are concerning the Letpadaung project developed as the dilemmas of Sino-Myanmar relations until NLD's government came to power. This research examines different primary sources such as interviews, government documents, statistics, field studies in the project area.

Main results

Monywa is the largest city of the Sagaing Division and located at the east bank of the Chindwin river in the central part of Myanmar. There are four large copper mine projects, namely *Letpadaung*, *Sabetaung*, *Sabetaung South* and *Kyisintaung* in the western part of the town. In 1978, Myanmar started *Sabetaung* and *Kyisintaung* mines, which are located next to each other. Letpadaung Copper mine project is located to the southeast of these aforementioned two copper mines. According to the report from the Amnesty, *Letpadaung* can produce 75% of the copper out of these four projects [Amnesty, 2015. P. 12]. At that time, the Myanmar government managed all projects according to the Socialist economic policy [Maung M., 1964. P. 1189].

In 1996, Myanmar military government opened its economy to the outside world and invited foreign direct investments. Ivanhoe Myanmar Holdings Ltd, a Canadian owned company, had passed the government tests and entered into the joint investments with Minister of Energy (1) [Amnesty, 2015. P. 20]. The agreements were not only for the *Letpadaung* deposit, but also for all deposits in the Monywa project. However, the existing literatures do not mention these facts, mentioning only the *Letpadaung* mine. Ivanhoe gave up Monywa projects and sold its 50%⁷⁰ share to the third party when the US and the West imposed harsh sanctions on Myanmar in 2007. However, the purchaser's identity of the Ivanhoe shares was shrouded in secrecy from the media [Amnesty, 2015. P. 99].

In March 2010, The *Union of Myanmar Economic Holdings Limited* (UMEHL) nationalized 7,867 acres of land for the *Letpadaung* project. When Chinese Premier Wen Jiabao paid a state visit to Myanmar, the UMEHL and Ministry of Mines from Myanmar side and *China North Industries Corporation* (NORINCO) signed a US\$ 1,1 billion joint investment for *Letpadaung Copper Mine Project* [Maung Myoe, 2015. P. 38]. Upon investigating the background of NORINCO, it became apparent that is China's military-owned company. The same applies to its counterpart UMEHL, that was also backed up by the Myanmar military⁷¹. Only Maung Aung Myoe mentioned these facts [Maung Myoe, 2015. P. 39]. A. Clapp Priscilla reported that *Wanbao* is a Chinese state-owned company. No one knew when the agreement took place, and how did the parties reach a final agreement [Priscilla, 2015].

⁶⁸ Lauren Decicca. In the Shadow of Letpadaung: Stories from Myanmar's Largest Copper Mine // National Resource Governance Institute, 2015.

⁶⁹ Atsuko Mizumo. *Economica Relations Between Myanmar and China* // JICA Research Institute, 2016.

⁷⁰ Open for Business? Corporate Crime and Abuses at Myanmar Copper Mine // Amnesty International, P. 99.

⁷¹ Maung Aung MYOE. Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015. Vol. 34. No. 2. P. 21–54.

However, we should not neglect the fact that *Wanbao* company is a daughter of NORINCO. Before the NORINCO started managing the completed project, *Wenbao Mining Ltd* founded two subsidiaries such as *Myanmar Wenbao Copper Mining Limited* and *Myanmar Yang Tse Copper Mining Limited* [*Myanmar Wanbao Company Limited's* webpage]. It could be confusing for researchers because Ivanhoe controlled the whole Monywa project under the same administration when they managed all mines before [Amnesty, 2015. P. 10]. For *Letpadaung Mine*, *Myanmar Wanbao Copper Mining Ltd* has managed the entire project, and *Myanmar Yang Tse Copper Mining Ltd* has handled the *Sabetaung* and *Kyisintaung* mines since 2010 [Amnesty, 2015. P. 10]. The only *Letpadaung* project became a center of international dispute and a dilemma of Sino-Myanmar relations similar to Chinese mega-projects in Myanmar. It happened because the late Myanmar Military government finalized all significant Chinese investments' agreements before they transferred country power to the civilian administration in the mid of 2010 [Priscilla, 2015].

Growth of Anti-Protests on Letpadaung Project and investigation Commission Protests before the Commission

On 30 September 2011, the new government's President Thein Sein suspended the Myitsone Dam General Project. This project is one of the significant Beijing ventures in Myanmar, and two countries reached the final agreement before Myanmar's first democratic government era and Maung Aung Myoe also highlighted similar idea in his work [Maung Myoe, 2015. P. 37]. Many Myanmar people believe that China is trying to take all of Myanmar natural resources for their development benefits⁷². This mindset has come from a lack of trust in Chinese goods and business practices.

At the same time, the tensions appear between *Myanmar Wanbao* and villagers because the regional government forced local people to relocate from their land at the beginning of 2011 [Decicca, 2015]. According to Amnesty's survey, 30 villages and 6,785 acres of land are located in the project area [Amnesty, 2015. P. 13]. Anti-Chinese activists used the opportunities to influence *Letpadaung* villagers easily. In the mid of 2012, residents opened the demonstrations camp near the *Myanmar Wanbao* headquarter⁷³. Before the sunrise of the 29th of November 2012, the police disbanded the protest campsite by using tear-bombs and water cannons. Some investigators found that the cops even used white phosphorous [Charltons, 2013. P. 1].

Letpadaung investigation Commission

Therefore, President Thein Sein formed the "*Letpadaung* Investigation Commission" and requested Aung Sann Su Kyi to become its chairperson on 1 December 2012 [Charltons, 2013. P. 1]. The President's office appointed 16 members on the commission including military and police officers, academics and dignitaries. As a leader of the investigation commission, Aung San Su Kyi clearly understood the Chinese role in Myanmar Domestic policy and underlying Beijing's interests⁷⁴, and Yun Sun also indicated it in her work [Yun Sun, 2015].

The commission visited the *Letpadaung* Mine project area from 5th to 15th of December 2012. At the same time, commissioners also met with the injured demonstrators in the Monywa hospitals and Yangon General Hospital. According to the commission's report, there were 108 people and 99 monks injured in the incident⁷⁵. According to Charlton, the investigators observed that the

⁷² Maung Aung MYOE. Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015, Vol. 34. No. 2. P. 38.

⁷³ Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates //Charltons, April 2013. URL: <https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/> (date of access: 19.02.2020).

⁷⁴ Yun Sun. Can the NLD and China usher in a new era in relations? // The Myanmar Times, 2015.

⁷⁵ Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates //Charltons, April 2013. URL: <https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/>

commission met with the Police Chief of Staff and Police colonel accountable for the Sagaing Region [Charltons, 2013. P. 3], and discussed the details about the crackdown incidents of the 29th of November. Later, the Minister of Home Affairs removed several police officers from their current duties in Sagaing Region as stated in the local newspapers. When Aung San Su Kyi met with the villagers, they responded with emotional words. Su Kyi told the villagers, “If we stop this project, it will not benefit the local community, or the country and they might think that our country cannot be trusted on the economy.” at the *Letpadaung* [Charltons, 2013. P. 4]. She also argued that “Myanmar needs Chinese investment. We have to get along with [China] whether we like it or not” [Ramachandran, 2016].

The commission also visited the Moneywa mine project areas, not only *Letpadaung* but also *Sabetaung* and *Kyaysintaung* projects. In March 2013, the investigation commission delivered its final report to the President and publishing it in governmental newspapers [Mizumo, 2016. P. 113]. However, the commission agreed to continue the *Letpadaung* Copper Mine Project recommending 42 essential suggestions to the mines’ investors. Official Beijing being satisfied with the final report of the commission and sent the Chinese ambassador to pay visit to Aung San Su Kyi’s residence, expressing his congratulation on behalf of the Chinese government on the 24th of April 2013 [BBC]. *Myanmar Wanbao* also released its statement, promising that “they will continue contributing to the sustainable development of our local community and of Myanmar as a whole” [Charltons, 2013. P. 3].

In the new contract, *Myanmar Wanbao*, UMEHL, and the government specified new profit-sharing of the project by allocating 51% to the Myanmar government, 30% to *Myanmar Wanbao*, and 19% to the UMEHL. On the other hand, the investors have to use one million US\$ for corporate social responsibility and two million US\$ for the annual environmental preservation [Mizumo, 2016. P. 113]. Yun Sun noted that “the investigation committee for the Letpadaung copper mine project, which she (Aung San Su Kyi) chaired, approved the continuation of the joint venture despite opposition from local residents and Myanmar society in general... her position (or rather lack of it) has made her, at the minimum, an acceptable Myanmar politician for China.” [Yun Sun, 2015].

Protests after the Commission

On 13 March 2013, Aung San Su Kyi visited local residents again, shortly after her commission published a final report. At the same time, the villagers did not stop their protests, rather intensifying them more provokingly. She faced emotional counter words from the villagers like during her first trip⁷⁶, but this time they became more depraved and the government responded with tight security for her. The villagers also delivered their opinion that they did not want relocation and compensation, and they were not going to stop until the project shuts down totally [Charltons, 2015. P. 4].

In November 2013, police officers and villagers clashed again in the *Myanmar Wanbao*’s headquarter, near the *Letpadaung* Project. The police used rubber bullets for antiriot shotguns, and nine police officers and five activists were wounded [Win Zaw Latt, 2013]. However, the villagers and activists still commented on environmental pollution and unfair salary for local workers, relocation and compensation processes for their land. Before the Letpadaung Investigation commission, Myanmar Wanbao reimbursed 550,000 MMKyats⁷⁷ for an acre. Later, according to the commission’s suggestion, Wanbao agreed to provide additional compensation for an acre between 700,000 and 1,25 million MMKyats [Maung Myoe, 2015. P. 38].

Back then, the author worked as a reporter, and visited the project on two times interviewing locals and activists. When he reached out to *Myanmar Wanbao*, they explained every detail of

www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/ (date of access: 19.02.2020).

⁷⁶ Letpadaung Investigation Commission Issues Final Report, Myanmar Law Updates // Charltons, April 2013. URL: <https://www.charltonsmyanmar.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/> (date of access: 19.01.2020).

⁷⁷ Myanmar Wanbao Company Limited. URL: <http://www.myanmarwanbao.com/mm/mm.html> (19.01.2020).

the Letpadaung project. The company sent journalists to meetings between villagers and company officers to examine how the company officials proposed CSR programs to local community. However, the author interviewed villagers and activists. The author asked, “If you need urgent development for your community, and, even, you know that you can produce valuable bronze from Letpadaung Mountain, what will you do?” The local activist answered that “We will not produce any copper or bronze from the Letpadaung Mountain, even we do not have anything to eat. We do not need any development if we have to destroy the Letpadaung, and we are going to enjoy its beauty until we die.” Therefore, we could clearly understand that the local residence feeling on the project.

When Myanmar Wanbao tried to start the project in December 2014, they faced vocal protests from the villagers again. Finally, the tension reached the highest point, after the police opened fire, and one villager, Daw Khin Win died on the spot. It received attention from international and local activists [Kivimäki, 2016]. According to Amnesty’s research paper, there was preannounced lack of environmental concern and management in the mine. In May 2016, *Myanmar Wanbao* announced that they had started to producing copper from the *Letpadaung Mine* for the first time [Amnesty, 2016. P. 4].

Effects in Sino-Myanmar Relations

Every Myanmar government has believed that China is the paramount partner for domestic and foreign interests [Toh Han Shih, 2014]. Until the Myanmar’s democratization period, China was the leading investor in Myanmar. However, after a series of protests in *Letpadaung Copper Mine* Project took place, Beijing investments dropped rapidly [Yun Sun, 2012. P. 75]. In the first year of Thein Sein’s administration, 2011-2012, Chinese FDI in Myanmar reached US\$ 4345.73⁷⁸ million, and it was the second-highest amount in two countries trade since 1988, according to the Myanmar State Directorate of the Investment and Company Administration’s figures. However, in 2013-2014, FDI from China to Myanmar visibly dropped to the US\$ 56.16 million, becoming the lowest since 1988 [DICA’s annual report].

In March 2016, the NLD government came into power. They continue focusing on the “China’s role in the region” and “Logic of geopolitic” when constructing their foreign policy and Sudha Ramachandran has also illustrated symmetric idea in his work [Ramachandran, 2016]. However, the relations between the two countries have not improved as it was expected by both sides. The FDI from China never reached its highest pre 2011 point. On the other hand, the anti-Chinese sentiments are still festering in the Myanmar community.

Conclusion

Since 1988, Myanmar political activists had been trying to develop democracy in the country. However, they were suppressed by the Military government for over two decades, from 1988 to 2011. Therefore, majority of Myanmar people did not support the junta. They considered the government supporters and partner countries as traitors. Whenever the military government was under international pressure, China always stood by their side and supported with loans and investments [U Myo-Thit, 2017]. It has resulted in the development of the Sinophobia in Myanmar. The citizens did not trust Chinese investments because of their lack of duties for social responsibilities. Beijing understood for those sentiments and, therefore, tried to smooth every process for their investments in Myanmar with the Junta

⁷⁸ Myanmar State Directorate of the Investment and Company Administration official Website. URL: <https://www.dica.gov.mm/en/taxonomy/term/38> (date of access: 19.02.2020).

However, the Chinese policies backfired when President Thein Sein's government listened to their follow people's voices. Consequently, the Beijing became concerned when the opposition was elected in the general election in 2015 [BBC, 2019]. In his trip, Wang Yi expressed hopes to his counterpart, Daw Aung San Su Kyi that Chinese interests in Myanmar will continue to be expected. The present situation of Sino-Myanmar relations, however, has many unresolved problems such the Chinese role in the Myanmar cease-fire, Myitsone Dam General Project and border issues.

References

Open for Business? Corporate Crime and Abuses at Myanmar Copper Mine // AmnestyInternational, February 2015. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/asa16/0003/2015/en/> (date of access: 19.02.2020). (in English)

A. Clapp Priscilla. China's Relations with Burma: Testimony Before The U.S-China Economic and Security Review Commission on China's Relations with Southeast Asia // United States Institute of Peace, 2015. URL: <http://www.usip.org/publications/2015/05/13/china-s-relations-burma> (date of access: 19.02.2020). (in English)

Atsuko Mizumo. Economica Relations Between Myanmar and China // JICA Research Institute, Department of International Economy and Business // Faculty of Economics // Kyushu University, Japan, 2016. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-4-431-55735-7_8 (date of access: 19.02.2020). (in English)

Copper Mine Investigation Commission, Letpadaung Copper Mine Investigation Commission Issues Final Report // The President's Office of The Republic of the Union of Myanmar, April 2013. URL: <http://www.charltonslaw.com/letpadaung-investigation-commission-issues-final-report/> (date of access: 19.02.2020). (in English)

China-Myanmar agrees to deepen comprehensive strategic cooperation // Xinhuanet, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/15/c_133790813.htm (date of access: 19.02.2020). (in English)

Cheny Ang Li and James Char. China-Myanmar Relations Since Naypyidaw's Political Transition: How Beijing Can Balance Short-Term Interests and Long-Term Values // S. Rajaratnam School of International Studies, 2015. URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/03/WP288_150316_China-Myanmar-Relations (date of access: 06.01.2020). (in English)

Debby Sze Wan Chan. China's Diplomatic Strategies in Response to Economic disputes in Myanmar // In. J. International Relations of the Asia-Pacific, Vol. 00, 2018, pp. 1–30, Oxford Academic. URL: <https://academic.oup.com/irap/advance-article/doi/10.1093/irap/lcy026/5149704> (date of access: 01.01.2020). (in English)

Lauren Decicca. In the Shadow of Letpadaung: Stories from Myanmar's Largest Copper Mine // National Resource Governance Institute, 2015. URL: <https://resourcegovernance.org/blog/shadow-letpadaung-stories-myanmars-largest-coppermine> (date of access: 01.01.2020). (in English)

Myanmar Cracks Down on Protest at China-owned Mine // China Digital Times, 2012. URL: <http://chinadigitaltimes.net/2012/11/myanmar-cracks-down-on-protest-at-china-owned-mine/> (date of access: 02.01.2020). (in English)

Myanmar Wanbao Company Limited. URL: <http://www.myanmarwanbao.com.mm/mm.html> (date of access: 03.01.2020). (in English)

Maung Aung MYOE, Myanmar's China Policy since 2011: Determinants and Directions // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2015, Vol. 34. No. 2. Pp. 21-54. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/872/879>. Html (date of access: 05.01.2020). (in English)

Maria Abi-Habib. How China Got Srilanka to Cough Up a Port// The New York Times, 2018, URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/25/world/asia/china-sri-lanka-port.html> (date of access: 02.01.2020). (in English)

Prashanth Paremewan, China's Influence in Myanmar Facing Growing Scrutiny: Beijing Is still Struggling to Adapt To Myanmar's New Landscape // Di- plomat Magazine, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/01/chinas-influence-in-myanmar-facing-growing-scrutiny/> (date of access: 02.01.2020). (in English)

Sudha Ramachandran. Chinese Influence Faces Uncertain Future in Myanmar // The Jamestown Foundation, Global Research & Analysis, 2016. URL: <https://jamestown.org/program/chinese-influence-faces-uncertain-future-in-myanmar/> (date of access: 02.01.2020). (in English)

Toh Han Shih. China's rivals catching up in investment race in Myanmar // South China Morning Post, 2014. URL: <http://carnegietsinghua.org/2014/01/25/chinese-investment-is-key-to-myanmar-s-reforms-pub-54299> (date of access: 04.01.2020). (in English)

Tang Xiaoyang. Chinese Investment is Key to Myanmar's Reform // Carnegie-Tsinghua, Center for Global Policy, 2014, URL: <http://carnegietsinghua.org/2014/01/25/chinese-investment-is-key-to-myanmar-s-reforms-pub-54299> (date of access: 02.01.2020). (in English)

Timo Kivimäki. Politics of Economic Relations Between China and Myanmar // In Book: Chinese Global Production Networks in ASEAN, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/300130508_Politics_of_Economic_Relations_Between_China_and_Myanmar (date of access: 05.01.2020). (in English)

Yun Sun. Can the NLD and China usher in a new era in relations? // The Myanmar Times, 2015. URL: <http://www.mmmtimes.com/index.php/opinion/18167-can-the-nld-and-china-usher-in-a-new-era-in-relations.html> (date of access: 05.01.2020). (in English)

Yun Sun. China's Strategic Misjudgement on Myanmar // Int. J. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2012, Vol. 31. No. 1. P. 73–96. URL: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/513.html> (date of access: 09.01.2020). (in English)

လက်ပံတောင်းမှာ မျက်နှာဖုံးကွာပီပြင်ခေတ်လတ်၊ ၂၀၁၃၊ မော်ကွန်း မဂဇင်း၊ URL: <https://mawkun.com/latpadaung/> [Win Zaw Latt. Letpadaungmarr Myatnarphone Kwar Pyi (Lost Mask in Letpadaung) // Mawkun Magazine, 2013]. (in Burmese)

“အနီးခတ် တရုတ်-မန်မာဆက်ဆံရေး ၃ (၁၉၈၈-၂၀၁၅) ၊ ဦးမျိုးသစ်၊ ၂၀ အောက်တိုဘာ ၂၀၁၇၊ ဘီဘီစီ မန်မာ၊ URL: <https://www.bbc.com/burmese/in-depth-41670417> [U Myo Thit, Aneekhit Tayouk-Myanmar Setsanyay 3 (Contemporary Sino-Myanmar Relations 3) // BBC Myanmar, 2017]. (in Burmese).

လက်ပံတောင်း အနောက်က တရုတ်ကင်းနီစီမံကိန်းသစ် ခြေလှမ်း၊ ၂၀၁၉၊ ဘီဘီစီ မန်မာ၊ URL: <https://www.bbc.com/burmese/burma-49871611> [Letpadaung A Naukka Tayok Kyayneeseemankaintit Chaylann (New Chinese Investment Footstep beyond Letpadaung) // BBC Myanmar, 2019]. (date of access: 02.02.2020). (in Burmese)

Арктическая политика республики Индия

ШАУМЯН ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА

**кандидат исторических наук, руководитель Центра
индийских исследований Института востоковедения РАН**

tshaumyan@gmail.com

В статье анализируются значение геополитического региона Арктики, основные направления внешней политики Индии в Арктике, происходящие глобальные процессы, такие как глобальное потепление и таяние арктических льдов; рассматривается значение Северного морского пути с точки зрения использования его для осуществления коммуникаций; показана политика арктических и неарктических государств, расширение их сотрудничества в этой зоне. Взаимодействие российских и индийских компаний в разработке арктических месторождений определяется стремлением подтвердить заинтересованность в Индии как важном союзнике на мировой арене. Индия стремится сохранить для себя возможность маневра при участии в решении арктических проблем, используя членство в Арктическом совете. Она намерена принимать активное участие в инициативах, связанных с проблемами Арктики. Партнерство Дели с Россией может способствовать сдерживанию Китая в его соперничестве с Индией в борьбе за энергетические ресурсы Арктики.

Ключевые слова: Арктика, Индия, Россия, Северный морской путь, Арктический совет, арктические и неарктические государства.

ARCTIC POLICY OF THE REPUBLIC OF INDIA

SHAUMYAN TATIANA LVOVNA

**Head, Centre for Indian Studies, Institute of
Oriental Studies Russian Academy of Sciences**

tshaumyan@gmail.com

The article analyzes the geopolitical importance of the Arctic region, the main directions of India's foreign policy in the Arctic, ongoing global processes such as global warming and the melting of the Arctic, discusses the importance of the Northern sea route from the point of view of using it for communication; the politics of Arctic and non-Arctic States to increase their cooperation in this area. The problem for India is the study of global climate change, precipitation, and ice conditions in Arctic glaciers to detect possible distant interdependence between the Arctic climate and the Indian monsoon. The melting of Arctic ice, global warming, raising global sea level by melting of glaciers

can cause flooding in large areas of India with a population of over 100 million people. Monitoring the condition of the ice is one of the priorities of Indian scientists working in the Arctic region. The Russian-Indian cooperation to develop Arctic fields is determined by their desire to confirm the interest in India as an important ally on the world stage. India seeks to write for itself the flexibility with participation in the solution of problems of the Arctic, using membership in the Arctic Council. India intends to take an active part in initiatives related to Arctic issues. The Indian side confirmed its interest in equal participation in the development of existing and new projects in Siberia, the Russian Far East and the Arctic shelf through oil and gas company ONGC-OVL. India will continue to participate actively in the initiatives related to the Arctic issues using membership in the Arctic Council. Delhi's partnership with Russia may contribute to the containment of China in its rivalry with India in the struggle for energy resources in the Arctic.

Keywords: Arctic, India, Russia, Northern Sea Route, the Arctic Council, Arctic and Non-Arctic States.

Первые свидетельства заинтересованности Индии в арктических исследованиях относятся к периоду, когда она еще была частью Британской колониальной империи. В феврале 1920 г. Индия присоединилась к Шпицбергенскому трактату, который определил международно-правовой статус архипелага Шпицберген, находившегося под суверенитетом Норвегии. Этот документ был подписан в Париже странами Европы, Азии и Америки, включая заморские доминионы Великобритании.

В 1981 г. по инициативе премьер-министра Индии Индиры Ганди был создан Департамент океанических исследований, который впоследствии был преобразован в Министерство наук о земле. Была разработана программа арктических исследований. Основанный в апреле 1999 г. в Гоа Национальный центр для антарктических и океанических исследований (NCAOR) с целью координации и развития полярных исследований в Индии активно включился в сотрудничество с зарубежными научными арктическими центрами.

По инициативе Министерства наук о земле Индии планы арктических экспедиций и программ научных исследований включались в пятилетние планы развития Индии. Предусматривалось направление индийских ученых на архипелаг Шпицберген и исследовательских судов океанографических экспедиций в периоды арктического лета.

Цели Индии в Арктике: экологический аспект. Охрана окружающей среды – важнейший фактор, определяющий активность Индии в Арктике. Речь идет о проблеме изменения климата и глобального потепления, причем, если пик потепления придется на весну и начало лета, рост температур на Севере Индии может иметь катастрофические последствия. Таяние льдов в Арктике, глобальное потепление, повышение уровня мирового океана в результате таяния ледников могут привести к затоплению значительной части территории Индии с населением более 100 млн. человек. Поэтому наблюдение за состоянием льдов является одной из приоритетных задач индийских ученых, работающих в Арктике.

Актуальной проблемой для Индии является исследование глобального изменения климата, осадков и состояния льдов арктических ледников и Северного Ледовитого океана для выявления возможной отдаленной взаимозависимости между арктическим климатом и индийскими муссонами. Индийские ученые установили наличие подобной зависимости, но пока ее механизмы не ясны. Объемы муссонных дождей представляются жизненно важной проблемой для развития сельского хозяйства Индии. По словам одного из участников арктических исследований Индии К. П. Кришнана, особое значение арктического региона для индийского субконтинента как раз и определяется тем, что «существует атмосферная зависимость региона Северного полюса и интенсивности индийских муссонов». Поэтому результаты исследований могут помочь моделированию и предсказанию состояния и интенсивности индийских муссонов [Антюшина, Арктика... 2014. С. 91–93; Антюшина, Расширение... 2014. С. 65–78].

Первая научная экспедиция Индии в Северный Ледовитый океан в составе пяти человек во главе с директором Национального центра антарктических и океанских исследований Шри Разик Равиндрой была направлена в первую неделю августа 2007 г. [Подоплекин, 2011. С. 42]. В результате месячного пребывания на международной арктической базе в Нью-Олесунне было положено начало трем долгосрочным научным проектам в области изучения атмосферы, микробиологии, науки о земле и исследования ледников. С этого времени Индия регулярно – 3–4 раза в год – направляла в Арктику научные экспедиции [Страны-наблюдатели, 2014. С. 18–24]. В ходе второй научной экспедиции лета 2008 г. была официально открыта индийская научно-исследовательская станция «Химадри» в 1200 км от Северного полюса как часть Международной исследовательской арктической базы в Нью-Олесунне на архипелаге Шпицберген. Здесь ведутся исследования льдов, атмосферных и биологических процессов и т. д. Третья индийская экспедиция работала в июне-июле-августе 2009 и марте-апреле 2010 гг. С 14.05.2011 до 08.06.2011 г. в Арктике работала индийская экспедиция в составе 5 человек. В индийской арктической программе принимают участие ученые из различных национальных институтов; в исследования за последние годы было вложено свыше 12 млн. долларов США. В 2012–2013 гг. 25 ученых посетили базу в Химадри, где провели в общей сложности более 185 дней для проведения исследований по десяти специальным проектам [Жоновалова, 2014. С. 145–151].

В 2012 г. Индия обратилась с просьбой о предоставлении ей статуса наблюдателя в Международном комитете по исследованиям Арктики, и 01.05.2013 г. на восьмой встрече министров стран – членов Арктического совета, состоявшейся в г. Кируна (Швеция), этот статус был ей предоставлен (наряду с Китаем, Японией, Республикой Корея, Италией и Сингапуром). Получая статус наблюдателя, Индия должна была придерживаться ряда условий: уважать суверенные права арктических государств; признать, что морское право и конвенция ООН по морскому праву являются законодательной основой и законодательными рамками, определяющими условия деятельности в Арктике; уважать коренное население, местную культуру и традиции; вносить вклад в деятельность Арктического совета.

В качестве постоянного наблюдателя Индия принимает активное участие в исследовательской деятельности в сотрудничестве с другими членами Арктического совета, уделяя особое внимание необходимости изучения глобального потепления и состояния арктических льдов. Таяние арктических льдов оказывает влияние на состояние льдов на Тибетском плато, откуда берут начало основные реки Индии. Известно, что любые изменения состояния льдов на вершинах Гималайского хребта могут вызывать серьезные наводнения и иметь катастрофические последствия для всей Индо-Гангской долины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.